

Science Publishing Center «Sociosphere-CZ»
Penza State University
Russian-Armenian (Slavic) State University
Vitebsk State Medical University of Order of Peoples' Friendship

**SOCIO-HUMANITARIAN AND MEDICAL
ISSUES OF MODERN PSYCHOLOGY,
NEUROPHYSIOLOGY, NEUROMORPHOLOGY
AND PSYCHOLINGUISTICS**

Materials of the II international scientific conference
on April 7–8, 2014

Prague
2014

Socio-humanitarian and medical issues of modern psychology, neurophysiology, neuromorphology and psycholinguistics : materials of the II international scientific conference on April 7–8, 2014. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 84 p.

Editorial board:

Kazantseva Dina Borisovna, candidate of psychological sciences, associate professor of the criminal law department, Penza State University.

Gritskov Mikhail Ivanovich, doctor of medical sciences, professor of Neurology and Neurosurgery Department, Institute of Medicine, Penza State University.

Berberyana Asya Surenovna, doctor of psychological sciences, professor, head of the psychology department at Russian-Armenian (Slavic) State University.

Devyatyh Sergey Yuryevich, candidate of psychological sciences, associate professor of the psychology and pedagogics department, Vitebsk State Medical University of Order of Peoples' Friendship.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of socio-humanitarian and medical issues of modern psychology, neurophysiology, neuromorphology and psycholinguistics. Some articles deal with questions of physiological, psychological and socio-cultural aspects of personality development. Some articles are devoted to psychological and educational aspects of the formation of the younger generation. A number of articles are covered with problems of psychology and medicine.

UDK 159.91

ISBN 978-80-87966-20-4

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2014.
© Group of authors, 2014.

CONTENTS

I. PHYSIOLOGICAL, PSYCHOLOGICAL AND SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF PERSONALITY DEVELOPMENT

Девярых С. Ю. Самосознание – роль – ориентация в биосоциальной концепции Пола Дж. Мани	5
Поповский Б. П. Социокультурный аспект психологического времени личности	9
Казанцев Е. А., Казанцева Д. Б., Костюк Ю. А. Социокультурная трансформация духовной жизни личности в современном обществе	20
Гант Е. Е. Общая продуктивность когнитивных функций спортсменов как показатель их психологического здоровья	24
Дюсупова А. А., Дюсупов А. А., Дюсупов А. З., Дюсупова Б. Б., Досбаева А. М., Заманбекова Ж. К. Старение как явление психологическое и социальное	33
Дюсупова А. А., Дюсупов А. А., Дюсупов А. З., Дюсупова Б. Б. Жизненные позиции пожилого человека.....	35

II. PSYCHOLOGICAL AND EDUCATIONAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE YOUNGER GENERATION

Королькова Е. Г. Развитие координационных способностей «особых» детей средствами жонглирования.....	38
Глаголева Е. А. Нарушения чтения и письма или низкий уровень проявления лингвистических способностей?	39
Aliyev B., Turkmen A. The relationship between the self-esteem and television viewing habits of adolescents.....	43
Бабарахимова С. Б., Искандарова Ж. М. Эмоциональные расстройства у подростков с компьютерной зависимостью	45

Фуртаева Е. И., Фуртаева Т. В. Модель развития гуманитарной компетентности студентов в системе высшего образования	48
Немтинова А. В. Внедрение метода окулографии в процесс обучения восточным языкам	51

III. PSYCHOLOGY AND MEDICINE

Бочкарёва З. В. Реакция на болезнь у детей с онкологическими заболеваниями на этапе стационарного лечения.....	53
Соболев В. А., Чумаков Д. В., Давыдова И. А., Ярославская М. А. Специфика восприятия телесности в контексте переживания телесного опыта больными депрессивными расстройствами	57
Boymuradov Sh. A. Parameters of the general fiber and microcells at patients with combined maxilla-facial fractures	59
Shorustamov M. T. Effective treatment of acetabular injuries	60
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши, Узбекистана, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2014 году.....	64
Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Poland, Uzbekistan, Ukraine and the Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2014	69
Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání»	73
Information about the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»	76
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavateľské centrum «Sociosféra-CZ».....	82
Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavateľské centrum «Sociosféra-CZ»	83

I. PHYSIOLOGICAL, PSYCHOLOGICAL AND SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF PERSONALITY DEVELOPMENT

САМОСОЗНАНИЕ – РОЛЬ – ОРИЕНТАЦИЯ В БИОСОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЛА ДЖ. МАНИ

**С. Ю. Девярых, кандидат психологических наук, доцент
Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет, г. Витебск, Беларусь**

Summary. In article original positions of the ontogenetic concept of a floor of John Mani are considered, in which the analysis of an interrelation of concepts of a triad gender consciousness – a gender role – sexual orientation is key.

Keywords: gender role; gender consciousness; ontogenetic development; sexual orientation.

В строгом смысле слова пол – совокупность морфологических и физиологических особенностей организма, обеспечивающих половое размножение, сущность которого сводится, в конечном счёте, к оплодотворению. Процесс, в ходе которого индивид приобретает черты того или иного пола, называется половой дифференциацией. Он начинается на генетическом уровне в момент оплодотворения яйцеклетки сперматозоидом. С этого момента начинает развёртываться генетическая программа, которая в сочетании со всеми гормональными, социальными и психологическими факторами приведёт к половой идентичности взрослого человека.

Дж. Мани была предложена модель биосоциальной детерминации пола, в которой понятие пола оказывается многомерным и иерархичным, а правильное его развитие предполагает последовательное и согласованное действие основных детерминант, завершающееся принятием половой роли и формированием половой идентичности [6]. Согласно онтогенетической концепции пола Дж. Мани, он включает в себя восемь признаков:

- 1) генетический пол;
- 2) гонадный пол;
- 3) внутриутробный гормональный пол;
- 4) внутренний морфологический пол;
- 5) дифференциация мозга по мужскому или женскому типу (мужской и женский мозг);

6) пубертатный гормональный статус и внешний морфологический пол;

7) пол по воспитанию;

8) половая идентичность.

Таким образом, половой диморфизм относится к постоянным характеристикам онтогенетической эволюции человека.

Аспект полового сознания, описывающий переживание человеком себя как представителя пола называется половой идентичностью. Дж. Мани [5] полагал, что половая идентичность – это субъективное переживание половой роли, а половая роль – социальное выражение половой идентичности. Таким образом, половая идентичность – единство поведения и самосознания индивида, причисляющего себя к определённому полу и ориентирующегося на требования соответствующей половой роли.

Таким образом, половое самосознание выполняет регуляторную функцию: обеспечивает реализацию идеального образа [4].

W. Mertens [7] определяет половую идентичность как первичные осознанные и неосознанные представления относительно своего биологического пола, которые развиваются, основываясь на комплексном взаимодействии биологических и психических явлений, с рождения, когда родители с их представлениями о поле, в основном, полоролевыми стереотипами, реагируют на своих детей как на мальчиков или девочек. Он отмечает, что к концу второго года жизни эти представления устанавливаются как относительно бесконфликтное знание.

В свою очередь, В. Е. Каган [2] определяет половую идентичность как соотносённость личности с телесными, психофизиологическими, психологическими и социокультурными значениями маскулинности и фемининности. Он различает следующие виды половой идентичности:

1) базовая идентичность – соотносённость личности с традиционными, восходящими к филогенетическим, половым различиям, представлениям о маскулинности и фемининности; этот вид идентичности детерминирован психофизиологически;

2) ролевая идентичность – соотношение поведения и переживаний личности с существующими в данной культуре и в данное время полоролевыми стереотипами; этот вид идентичности детерминирован влиянием среды;

3) персональная идентичность – интеграция первой и второй. Она характеризует соотносённость личности с маскулинностью и фемининностью в контексте индивидуального опыта межлич-

ностного общения и совместной деятельности. По мнению автора, если базовая идентичность стабильна, то на уровне ролевой и персональной идентичности идёт непрекращающийся процесс половой идентификации. Персональная половая идентичность – компонент половой идентичности, эволюционирующий в ходе своего развития, она не остаётся неизменной, как ядерная половая идентичность.

Половая идентичность формируется как результат усвоения культурно-нравственных норм и, в первую очередь, нравственных качеств другого человека. Вместе с тем, нравственно-этические требования формируются лишь при внутреннем принятии их личностью, при превращении их в лично-значимые установки, жизненные цели и ценности, поэтому половую идентичность можно определить как усвоение личностью социально-культурных особенностей своей половой принадлежности, манеры поведения, способов действий, психологических и нравственных качеств. В связи со сказанным выше, можно говорить о том, что формированию устойчивой половой идентичности предшествует этап становления моральных норм и ценностей.

В. Е. Каган [3] подразделяет нарушения половой идентичности в зависимости от выраженности на:

1) индивидуальные вариации соотношения маскулинности и фемининности, сопровождающиеся адаптационными реакциями;

2) полоролевой конфликт, разворачивающийся на личностном уровне как переживание реального или мнимого несоответствия полоролевым стандартам с личностными реакциями невротического типа;

3) конфликт половой идентичности как активное, осознаваемое противостояние, переживание себя в качестве представителя противоположного пола и существующих полоролевых стандартов; личностные реакции при этом носят целенаправленный активно-приспособительный характер и устремлены к легализации своего переживания половой принадлежности вопреки своему паспортному полу.

Вместе с тем, существует целая категория анатомически нормальных мужчин и женщин, которые убеждены в том, что они обладают личностными свойствами, типичными для противоположного пола (транссексуалы), которые очень рано начинают ощущать себя так, как будто они пребывают в теле противоположного пола.

Поведение личности в значительной степени детерминировано социальными факторами. Общество предписывает модели поведения, которые рассматриваются как присущие данному полу,

т. е. полоролевое поведение. Естественно, что полоролевое поведение оказывает огромное влияние на сексуальность, сексуальное поведение и ожидания, а, следовательно, от него во многом зависит сексуальная гармония.

Существует два типа нарушения полоролевого поведения: гиперролевое поведение, характеризующееся заострением особенностей половой роли, и трансформация – формирование полоролевого поведения, свойственного другому полу [1].

К трансформации полоролевого поведения, происходящей на этапе формирования его стереотипа, приводит влияние негативных микросоциальных факторов – неправильного воспитания, нарушения полоролевых ролей одного или обоих родителей, их отрицательных характерологических особенностей. Таким образом, формирование нарушений полоролевого поведения связано, прежде всего, с микросоциальными факторами и особенностями социокультурного развития ребёнка.

Отдельного рассмотрения требует вопрос сексуальной ориентации. В своем самом простом определении, сексуальная ориентация может быть определена как стремление иметь половую связь с представителями определённого пола (гетеросексуальная, бисексуальная, гомосексуальная ориентации).

Хотя критический период формирования сексуальной ориентации приходится на подростковый возраст, сам процесс формирования начинается много раньше. В. Е. Каган [2] рассматривает две модели этого процесса.

Первая – медико-биологическая. Она опирается на теорию полоролевой инверсии. В ней гомосексуальность рассматривается как девиация, обязанная прежде всего внутриутробным гормональным нарушениям, несоответствия физического облика половым стереотипам. Критическим периодом считается раннее детство, когда в родительской семье разворачиваются процессы идентификации со своим или противоположным полом.

Вторая модель – социально-психологическая. Она опирается на теорию сексуальной ориентации. В ней рассматривается уже не гомосексуальность, как в первой модели, а нормальный процесс психосексуального развития, предполагающий в качестве своей составной части сексуальную ориентацию. Предпосылки видятся в нормальной неравномерности и неодновременности физического, полового и социального созревания. Критический период приходится на возраст полового созревания, когда в общении со сверстниками формируются и осознаются эротические предпочтения.

Таким образом, в рамках онтогенетической концепции пола Дж. Мани, полноценные мужчина и женщина должны в своём индивидуальном развитии демонстрировать все восемь признаков пола. В норме половое самосознание человека соответствует его биологическому полу (генетическому, гормональному, морфологическому) и органично сливается с формирующейся половой идентичностью и интериоризацией половой роли в процессе половой социализации.

Библиографический список

1. Алексеев Б. Е. Полоролевое поведение и его акцентуации. – СПб. : Речь, 2006. – 144 с.
2. Каган В. Е. Воспитателю о сексологии. – М. : Педагогика, 1991. – 256 с.
3. Каган В. Е. О половой идентичности нарушения // Справочник по психологии и психотерапии детского и возрастного возраста. – СПб. : Питер, 2000. – С. 214.
4. Еремеева В. Д. Девочки и мальчики: два разных мира нейропсихологии – учителям, воспитателям, родителям, школьным психологам. – СПб. : Тускароре, 2000. – 180 с.
5. Money J. Determinants of human gender identity / role // Handbook of sexology / Eds. J. Money, H. Musaph. – New York : Excerpta Medica. – 1977. – P. 57–79.
6. Money J. Gender role, gender identity: usage and definitions of terms // Journal of American Academy of Psychoanalysis. – 1973. – Vol. 1. – P. 397–402.
7. Mertens W. Entwicklung der Psychosexualität und der Geschlechtsidentität. – Stuttgart; Berlin; Köln; Kohlhammer (Psychoanalytische Entwicklung psychologie) Bd. 1. Geburt bis 4. Lebensjahr. – 2., ulerart. Aufl.,1994. – 181 p.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ЛИЧНОСТИ

**Б. П. Поповский, аспирант
Одесский национальный университет
им. И. И. Мечникова, г. Одесса, Украина**

Summary. Problem of research psychological time closely interconnected with the socio-cultural aspect. The author attempts to describe the main approaches in the researching of the categories of time from the perspective of socio-cultural, historical, economical and psychological aspects.

Keywords: social time; the time's budgets; the concept the individual's time; economic; cultural and historical aspects.

В большом спектре психологических проблем проблема исследования времени занимает одно из значительных мест [9; 18; 19; 23]. Есть множество попыток не только выявить

характерные для различных отраслей познания особенности временных свойств изучаемых процессов и явлений, но и вне-сти в научное пользование представление о специфических формах времени [1; 5; 9; 18]. В связи с этим была отдельно выделена проблема социального времени. Исследователи, занимающиеся общей проблемой времени, обращают внимание на сложность ее социального аспекта. Были выдвинуты концепции, в рамках которых стало возможно рассмотрение данной проблематики с учетом социокультурного, исторического и экономического факторов [1; 3; 5; 9; 15; 20; 26]. В последнее время в философской и психологической литературе рассматриваются те или иные аспекты социального времени. Часть наиболее крупных работ [16; 15; 3] рассматривает в основном проблему определения объективной сущности времени в аспекте бюджета времени, остальная часть [28; 24] – в аспекте взаимодействия пространственно-временных форм различных уровней материи, некоторые работы [10; 30] – в плане методологии социального познания, в частности истории. Некоторые авторы [2; 13; 22] раскрывают вопросы исторического генезиса восприятий времени и пространства в структуре различных эпох, формаций, культур.

Необходимость отдельного выделения социального времени становится очевидной для любого ученого, занимающегося изучением временной проблематики. Стало высказываться положение о социальном времени как о «качественно отличном от физического времени, которое имеет особый онтологический статус» [4, с. 7–8]. Поскольку социальное время отлично от того времени, которое рассматривает физика, становится очевидным то, что его изучение требует особого подхода. При изучении, например, проблем познания физического времени, его отражения в чувствах и мышлении исследователи обращаются к перцептуальному содержанию времени, привлекают соответствующий материал по психологии восприятия и т. д. Но «при изучении социально-исторического времени не обойтись одной психологией, приходится обращаться к истории духовной жизни общества, в том числе к истории человеческих чувств во всём многообразии ее практически-духовных моментов, поскольку время и пространство выполняют определенные категориально-смысловые функции в процессе исторического осознания и восприятия действительности» [21, с. 4].

В большинстве случаев термин «социальное время» употребляется без определения, и судить о том, какой конкретный

смысл в него вкладывается, можно лишь косвенно. В целом же он употребляется как «обобщение всех различных значений времени применительно к обществу» [25, с. 21]. Социальное время выступает «такой формой и таким условием общественной жизни, изучение которого может дать объемное и комплексное знание об обществе в целом, об исторических и современных тенденциях его развития» [16, с. 109]. Социальное время определяется некоторыми авторами как «специфическая форма общественно-исторического движения, которая выражается в моментах повторяемости, продолжительности, частоты, ритмики социальных событий и процессов, а также их дискретности и непрерывности» [21, с. 14]. Сам термин «социальное время» получил в последние годы распространение в теоретических работах социологической проблематики [4]. Социальное время неоднородно. «Будучи неоднородным для общества и с точки зрения последовательности процессов и с точки зрения организации различных моментов движения общества в нечто целое, социальное время выступает не как внешняя и абсолютная, а как внутренняя форма, относительная величина которой определяется сущностью процессов в социальном развитии» [21, с. 126]. Современными исследователями высказываются опасения, что время поработает человека. Сложился своего рода культ времени. «Именно соперничество между социальными системами понимается теперь как соревнование во времени: кто выиграет в темпах развития, на кого работает время? Циферблат с секундной стрелкой вполне мог бы стать символом нашей цивилизации» [13, с. 28].

Рассматривая проблему социального времени, можно выделить две основные тенденции в его анализе. Первая связана с осмыслением исторического времени, проявляется в меняющихся жизненных ритмах при переходе общества от формации к формации. «Именно историческое время легло в основу ряда концепций общественного прогресса, где время трактуется с исторических позиций на уровне его вертикального среза» [16, с. 108–109]. В рамках второго направления социальное время понимается как условие социального бытия, как способ существования в рамках хронологически определенного периода. Социальное время при таком подходе «отражает общественное бытие на уровне его горизонтального среза, особенно проявляется в структуре времени, которая не отражает исторические изменения человеческой жизни, а, наоборот, акцентирует актуальный уровень общественных процессов» [16, с. 108–109].

Обратимся к анализу исторического времени, или социального времени, взятого в вертикальном разрезе. «Историческое время с полным правом можно рассматривать как разновидность социального времени. Сама история ассоциируется с изменениями во времени, с движением от прошлого к настоящему, которое само в свою очередь становится прошлым относительно будущего, превращается в этой связи в настоящее» [16, с. 110]. Каждый социальный процесс характеризуется собственной присущей ему ритмикой. Но все эти конкретные ритмические рисунки существуют в рамках единой ритмической картины общества. «Историческое время является формой движения общества от одной общественно-экономической формации к другой, характеризуется единством своей целостности, непрерывности (в границах хронологического бытия человека) и дискретности (в рамках отдельных формаций)» [16, с. 115]. Было отмечено, что интерес к временным характеристикам жизнедеятельности общества перманентно растет, поскольку он обусловлен ростом в первую очередь экономической значимости фактора времени. «Время было осознанно как огромная ценность и как источник материальных ценностей. Нетрудно увидеть, что понимание значимости времени пришло вместе с ростом самосознания личности, которая начала видеть в себе не родовое существо, а неповторимую индивидуальность, то есть личность, поставленную в конкретную временную перспективу, которая разворачивает свои способности в течение ограниченного отрезка времени, отпущенного в этой жизни» [13, с. 137]. Вместе с тем складывается мнение, что социально-психологическое восприятие времени отдельными группами, прежде всего обладающими властью (например, в Средние века – духовенством), влияло на структуру и содержание социального времени общества. В качестве аргументов приводятся такие факты, как контроль церкви над временем суток с помощью служб, молитв, церковных колоколов, регламентации труда и досуга, состава пищи, половой жизни и др. «Механизм социального контроля находится в руках правящего класса, включает в себя в качестве важного компонента социальное время. И наоборот, одним из показателей потери классом-гегемоном контроля над общественной жизнью является изменение структуры времени, по которому живет общество» [12, с. 133]. При рассмотрении концепций исторического времени немаловажное значение имеют трактовка исторически неоднозначного восприятия времени в разные эпохи разными социальными группами.

Историческое время не представляет из себя чего-то единого, поскольку локализация человеческой практики по ее отдельным сферам, их содержательный анализ, приводят к утверждению о наличии в каждой из них своего собственного времени. «Социальное время различно не только для разных культур и обществ, но оно дифференцируется и в рамках каждой социально-культурной системы в зависимости от ее внутренней структуры. Социальное время неодинаково протекает в сознании отдельных классов и групп: они по-своему воспринимают его и переживают, ритм функционирования этих общественных групп различен. Иными словами, в обществе всегда существует не какое-то единое монолитное время, а целый спектр социальных ритмов, обусловленных закономерностями различных процессов и природой отдельных человеческих коллективов» [11, с. 112]. Мера продолжительности процессов в историческом времени меняется с развитием общества и является величиной относительной. Здесь не имеют смысла сами по себе такие единицы отсчета исторического времени, как год, столетие, тысячелетие и т. д. «Единицы исторического времени соотносятся не абсолютными хронологическими масштабами, а с большими изменениями внутри социальных процессов, здесь в качестве единиц отсчета фигурируют понятия «формация», «эпоха». Продолжительность исторического времени оказывается различной для разных формаций, эпох, систем, поскольку за хронологически то же время они проходят разные пути развития» [21, с. 14]. Существует мнение, что историческое социальное время напоминает биологическое: «биологу тоже бессмысленно определять темп и характер соответствующих эволюционных процессов в абсолютных хронологических единицах из-за несоответствия этих процессов для различных биологических видов. Ему приходится иметь дело с такой единицей измерения, как время изменения популяций, продолжительность их жизни и т. д. В таком случае к анализу привлекается понятия не времени вообще, а собственное время системы. Именно учет этой разномасштабности времени позволяет строить эффективные соотношения различных эволюционных процессов с точки зрения их темпа и механизма» [7, с. 167]. «Реальное историческое время обременено всеми теми случайностями и отклонениями, которыми сопровождается развитие исторических процессов. В переломные эпохи, в революционные периоды усиливается как бы аритмия исторического времени. В нём растет момент прерывности, но, естественно, эта прерывность в реальном историческом

времени никогда не доходит до абсолютной границы, потому что одно из назначений исторического времени состоит в осуществлении функции преемственности в истории и связи между историческими событиями и процессами» [30, с. 129].

Вторую тенденцию в рассмотрении проблематики социального времени можно условно определить как трактовку времени общества в горизонтальном срезе. «В психологическом анализе приобретает важное значение выделение актуального времени – «такого отрезка исторического времени социального субъекта, который можно назвать настоящим в отличие от прошлого и будущего времени (хотя актуальное время включает, строго говоря, как недавнее прошлое, так и близкое будущее). Например, для современного общества актуальным можно считать 10-летний отрезок, для человека это может быть год и т. д.» [4, с. 57]. Именно благодаря рассмотрению проблемы социального времени с точки зрения этой концепции, очевидным становится факт неоднородности социального времени. Существует концепция, которая в некоторой степени объясняет причины этой неоднородности. Она получила название причинно-целевой. Ключевое положение этой концепции можно определить следующим образом: психологическое время формируется на основании переживания личностью детерминационных связей между основными событиями ее жизни. Специфика детерминации человеческой жизни заключается в том, что, наряду с причинной обусловленностью последующих событий предварительным (детерминация прошлым), имеет место и детерминация будущим, т. е. целями и предполагаемыми результатами жизнедеятельности. Такого рода причинно-целевые связи являются, согласно предлагаемой концепции, единицами анализа психологического времени личности. В рамках причинно-целевой концепции проблема взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего находит следующее решение: психологическое прошлое определяется совокупностью так называемых реализованных связей, которые соединяют между собой события хронологического прошлого. Психологическое настоящее включает в себя актуальные связи, т. е. те связи, реализация которых уже началась, но еще не завершилась, и которые соединяют между собой события хронологического прошлого, с одной стороны, и будущего – с другой. Психологическое будущее личности составляет потенциальные связи, реализация которых еще не началась, поскольку они соединяют между собой предполагаемые события хронологического будущего. Продолжитель-

ности промежутков между значимыми для личности событиями измеряются количеством межсобытийных связей. В причинно-целевой концепции социального времени оно формируется на основе переживания личностью детерминационных связей между основными событиями жизни [9].

Всю свою сознательную жизнь человек, так или иначе, чувствует присутствие времени. Если историческое время для человека выступает в большей мере как абстракция, то время актуальное он переживает. Человечеством было обнаружено множество феноменов времени. Существуют концепции, которые активно разрабатывают индивидуально-временную проблематику. В концепциях, развивающих данное направление, вводится понятие «личностное время», под которым понимается «психо-темпоральная организация взрослой личностью своего сознания и самосознания, поведения и деятельности в процессе осуществления его индивидуальной и групповой жизнедеятельности и общения, как сложное целостное образование – образ жизни» [19, с. 12]. Предполагается, что личностное время выступает как последовательный синтез психических времен: субъективного, или времени переживания, – происходит на подсознательном уровне; перцептуального времени, времени созерцаний и впечатлений – происходит на частично осознаваемом уровне; функционального времени или времени действия – часто происходит на подсознательном уровне; рефлексивного времени, или времени размышлений, и креативного времени – происходит на бессознательном уровне [20]. Принадлежность времени субъекту предполагает его активное использование и распределение. В связи с этим некоторые авторы выделяют стратегии рациональной организации времени – стратегии «активного учета» социальных нормативов времени и стратегии «пассивного приспособления» к внешним временным требованиям. «Можно выделить различные стили или стратегии жизни в их связи с осознанием времени. Например, типы личности, более включенные в социальную динамику, находятся в более прямых и жестких временных связях с социальными условиями. Они живут преимущественно в сфере общественно необходимого времени, от них требуется определенная производительность труда, определенная скорость. Одновременно они пользуются всеми ценностями общественного времени, они в меньшей степени являются субъектами собственной жизни. Типы личности, слабо включенные в социальные процессы, не осознают

свободное время как ценность, как правило, они наиболее статичны, поскольку не знают, как это время заполнить» [1].

В литературе хорошо освещен еще один подход к рассмотрению социального времени, в рамках которого время трактуется как экономическая категория. «Время может рассматриваться в различных аспектах: как естественнонаучная, философская и как экономическая категория. Вся жизнедеятельность и развитие человека протекает и отражается в этой категории. Они зависят от использования времени, связанного с воспитанием, трудом и досугом людей» [27, с. 21]. В рамках данной концепции речь идет о «совокупном времени, которое включает всё время деятельности трудящихся» [26, с. 4]. Такое толкование времени общества привело к соответствующему обоснованию его структуры, в рамках которой выделяются рабочее и нерабочее время. Составной частью последнего является свободное время. «В рабочее время осуществляется социальная деятельность – труд в материальном общественном производстве. В нерабочее время – время, незанятое работой в общественном производстве» [4, с. 33–36]. Были выделены формы общественной жизнедеятельности, составляющие структуру социального времени, «самую широкую основу классификации которой составляют две ее формы: процесс расходования жизненных сил общества – собственно движение общества, или труд, с одной стороны, и процесс накопления этих сил как момент развития или состояние относительного покоя общества, т. е. состояния сна, питания и отдыха – с другой. Важнейшей из них является активная, или трудовая, форма общественной жизнедеятельности. Основным результатом прогресса общественно-исторического развития выражается в сокращении необходимого и увеличении свободного времени общества» [15, с. 183]. Есть и другие структурные построения времени общества, отвечающие требованиям социально-экономического подхода к нему. Так, в некоторых концепциях происходит разделение всего общественного времени на необходимое и свободное. Приведем одно из определений свободного времени. «Экономический подход проявляется в понимании свободного времени как времени, когда не происходит деятельность, направленная на получение средств существования. Философское определение предполагает противопоставление свободы таким категориям, как необходимость, принуждение и т. п. Также свободное время связывается с всесторонним развитием личности» [3, с. 3–4]. В свободное время осуществляется «умственная, физическая, соци-

альная, эстетическая деятельность, отдых и развлечения, то есть удовлетворяются в основном те нематериальные потребности, которые совсем не удовлетворяются или удовлетворяются частично в труде» [3, с. 4]. Величина свободного времени определяется главным образом развитием производительных сил, эффективности труда в общественном производстве. «Международное исследование бюджетов времени показало, что в целом свободное время больше у жителей более развитых в экономическом отношении стран» [3, с. 45]. В рамках социально-экономического подхода категория времени раскрывается через понятие деятельности. «Социальное время есть время существования, функционирования и развития общества как совокупности социальных систем, от человека к общественно-экономической формации и человеческого общества в целом. Это время общественного бытия людей, то есть их материальной деятельности. Социальное время есть единство длительности, последовательности, сосуществования, единство объема деятельности и ее результатов, выступающих в виде событий, процессов, предметов. Социальное время есть время, связанное с человеческой деятельностью» [4, с. 9]. Некоторые авторы проводят границу между историко-культурологическими концепциями социального времени и социально-экономическими. «Исследование социального времени можно условно разграничить на два основных направления: философское (историко-философское, культурологическое) и социально-экономическое» [4, с. 23]. Время становится ресурсом, который необходимо учитывать при экономическом прогнозировании. «Социальное время есть ресурс, которым располагает любой социальный субъект» [4, с. 10]. В рамках социально-экономической теории времени оперируют таким понятием, как бюджет времени. Определяя понятие «бюджет времени», используют термин «фонд времени», который «представляет собой количественно определенный отрезок календарного времени. Совокупный фонд времени – суммарный фонд времени субъекта. Измеряется в единицах, отражающих совокупный характер фонда: человеко-часах, человеко-днях и т. д. Совокупный бюджет времени – распределение совокупного фонда времени на различные виды деятельности. Совокупный бюджет времени отражает структуру деятельности социального субъекта, взятую во временном измерении» [4, с. 30–31]. Через бюджет времени осуществляются попытки определить количественные характеристики социального времени. «Социальное время стало объектом

конкретных экономических и социологических исследований. Категория времени стала использоваться для получения количественной характеристики социальных явлений и процессов (бюджет времени). Социальное время выступает как средство описания жизнедеятельности человека, социальной группы, общества в целом» [16, с. 107]. Ученые, занимающиеся изучением бюджетов времени, выделяют «индивидуальные, групповые, региональные и государственные бюджеты времени» [4]. В советской науке изучению бюджетов времени было посвящено большое количество публикаций. Однако попытки описания социального времени исключительно с позиций социально-экономической концепции не всегда приводили к положительным результатам. Некоторые авторы высказывали озабоченность таким положением дел. «Бюджет времени рассматривается как ключевой момент в раскрытии сущности социального времени, всех их свойств. Бюджет времени отражает содержание социального времени в календарно-хронологической, экологической проекциях (сутки, часы, месяцы, годы), поскольку временные параметры социальной жизни должны всегда сочетаться с длительностью, ритмами и другими характеристиками времени природы, в частности с параметрами времени биологической организации, воспроизводства жизни и т. д. Но в самом по себе бюджете времени, его структуре очень трудно обнаружить специфическую сущность социально-исторического времени. И уже совсем произвольными выглядят попытки определения сущности социального пространства на основе структуры бюджета времени» [21, с. 9–10].

Время как категория сознания играет важную социально-мировоззренческую роль, она имеет отношение не только к процессу познания, его истории, но и ко всей совокупности форм освоения мира в общественном сознании. В рамках социально-психологического подхода к проблеме времени выделяют культурно-исторические, социально-экономические и концепции личностного времени. Одной из характерных черт культурологических, исторических, экономических концепций социального времени является стремление вычленивать какую-то качественную основу. Социальное время неоднородно. Эта неоднородность определяется в первую очередь насыщенностью социально значимых исторических событий. При попытке измерения социального времени следует помнить, что использовать обычную метрическую систему не представляется возможным. Единицей измерения социально-психологического времени будет конкретная система обществен-

ных отношений, которая воспроизводит сама себя и существует как нечто целое и относительно. При изучении психологического времени следует всегда помнить о том, что эти понятия имеют социальную составляющую и в свою очередь фактор времени имеет исключительное значение в изучении социальных явлений.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М., 1991.
2. Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок в истории мировоззрения раннего Средневековья. – М., 1975.
3. Артемов В. А. Свободное время: проблемы и перспективы. – Новосибирск, 1970.
4. Артемов В. А. Социальное время. – Новосибирск, 1987.
5. Ахундов М. Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. – М., 1982.
6. Баранов А. В. Социологические исследования города. – М., 1969.
7. Блауберг И. В. Системный подход в социальном познании. – М., 1972.
8. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. – М., 1991.
9. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. – Киев, 1984.
10. Гуревич А. Я. Об исторической закономерности. – М., 1969.
11. Гуревич А. Я. Вопросы философии. – 1969, март.
12. Гуревич А. Я. Вопросы философии. 1969, июнь.
13. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972.
14. Дюркгейм Э. Социология и теория познания. – 1914.
15. Елизарьев Э. А. Время общества (философский и социально-экономический аспект). – Новосибирск, 1969.
16. Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. – Свердловск, 1974.
17. Янагиды К. Философия истории. – М., 1969.
18. Канке В. А. Формы времени. – Томск, 1984.
19. Ковалев В. И. Категория времени в психологии (личный аспект). – М., 1988.
20. Ковалев В. И. Личностное время как предмет психологического исследования. – Черновцы, 1991.
21. Лой А. Н. Социально-историческое содержание категорий время и пространство. – Киев, 1978.
22. Лосев А. Ф. Историческое время в культуре классической Греции. – М., 1974.
23. Молчанов Ю. Б. Проблема времени в современной науке. – М., 1990.
24. Мостепатенко А. М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. – Л., 1969.
25. Орлов Г. П. Свободное время и личность. – М., 1968.
26. Патрушев В. Д. Время как экономическая категория. – М., 1966.
27. Пруденский Г. А. Время и труд. – М., 1965.

28. Сафронов И. А. Зависимость временных отношений от форм взаимодействия материальных систем. – 1973.
29. Трусов Ю. П. Понятие о ноосфере. – М., 1992.
30. Уваров А. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. – Калинин, 1973.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. А. Казанцев¹, Д. Б. Казанцева¹, Ю. А. Костюк²

**¹Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия;**

**²Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации, г. Москва, Россия**

Summary. Fundamental changes happening in the spiritual life of the society have led to the state when youth people, rejecting the traditional examples of the previous generations experiences, get their own unique experiences, which are based on the lashings of the different information, forming ambivalence, lability and instability of the conscious mind, leading to desintegration of the individual.

Keywords: youth people; spirituality; spiritual reproduction; traditions; mass media; values; mass culture; transformation.

Современная социокультурная ситуация в обществе характеризуется трансформацией социальной структуры из-за политических, экономических и культурных реформ. Традиционные эффективные институциональные механизмы из-за смены цивилизационных оснований заменяются новыми, более адекватно отвечающими современным реалиям. Социокультурная трансформация оказывает влияние на механизм социокультурной регуляции, существенно изменив духовную жизнь личности и общества, осуществив трансформацию духовных ценностей и реорганизовав духовное пространство.

Реализация воспроизводства духовной жизни общества, в которой передавалась способность наследовать и воспроизводить социокультурные образцы (системы ценностей, стереотипы, нормы поведения, обычаи, традиции), имеющие социально-исторические корни, дающие социальную опору в виде традиционных ценностно-нормативных структур, дестабилизируются, становясь основой социальных проблем и конфликтов.

Традиционные ценностно-нормативные структуры, являясь основанием социальной идентичности, общественно значимые

ценности и смыслы обеспечивали ранее социальные защитные механизмы личности, определённую и предсказуемость процессов её самореализации и интеграции в общественную систему. Сужение идентификационных оснований, фактора «поддерживающей среды» развития личности, затруднило процесс самоактуализации потенциала личности и, как следствие, самореализацию её потенциала в соответствующей профессиональной сфере. Новые основания идентичности, формирующиеся на основе сиюминутных образов жизнедеятельности, проявляясь в идее расширенного потребления, стремлении к удовольствию, прагматизации, индивидуализации, коррозии моральных оснований, дезигзации сознания, предопределили непредсказуемость процессов самореализации.

Современные трансформационные процессы затронули основание бытия человека, детерминируя изменение его качественных параметров. В российском обществе, где доминирует славянская культура, особенностью ментальности которой является воспроизводство собственно духовного развития личности и общества, детерминирующие качественно и количественно, генетически всё многообразие культурных проявлений, уже нарушена преемственность передачи исторического духовного опыта молодому поколению. Именно оно, воспроизводясь, сохраняло и передавало сущностное из поколения в поколение через ролевые модели. Опыт старших поколений перестал предопределять ориентацию на будущее подрастающего поколения. Продолжая наследовать, они уже не воспроизводят социокультурные образцы, ролевые модели предыдущих поколений. Происходящие изменения выразились в целом комплексе явлений и процессов.

Столь фундаментальные изменения не происходят одномоментно, поэтому существует переходный этап апробации новых социальных структур на обломках устоявшейся ментальности, через болезненный процесс её трансформации. Доминирование устаревших ценностей прекращается, и проявляются новые ценности, соответствующие плюральному обществу. Отсюда и особенность данного периода – одновременное сосуществование разных ценностей, часто противоречащих друг другу, что влияет на лабильность и неустойчивость сознания, а также на амбивалентность социального положения личности. Именно поэтому основной отличительной характеристикой современной реальности становится социальная дезорганизация, социальная неопределённость, множество противоречий в духовном воспроизводстве, существенная трансформация духовно-нравственных

ценностей особенно у молодёжи – важнейшего субъекта воспроизводства духовных ценностей общества. Многообразие особенностей развития и стилей жизни различных социальных групп, растущий культурный плюрализм с возможностью независимого выбора среди множества предлагаемых ценностей формирует новый тип культуры. По мнению М. Мид, данную культуру можно назвать префигуративной.

Массовая культура, конструируя новую целостную картину мира, формирует не терминальные, а инструментальные ценности, определяя линию поведения человека, влияя на процесс формирования индивидуального и группового сознания и определяя, таким образом, будущее Российского общества.

Различные образцы ценностей, интериоризируясь, причудливо переплетаются в сознании, с одной стороны, расширяя границы потребностей и интересов личности, с другой стороны, разрывая единые стороны общественного производства – производство материальных условий жизни и производство духовных и физических сил человека. Индивидуальные цели эмансипированных индивидов с гибридными ценностями, нацеленных на саморазвитие и реализацию сиюминутных желаний, ориентированных на «здесь и сейчас», вступают в противоречие с целостными механизмами общественного воспроизводства. А эти механизмы подразумевают обязательную преемственность духовных ценностей от предшествующих поколений как необходимое условие воспроизводства человека и его регуляции, развития взаимодействия личности и общества с учётом необходимой модернизации общественных структур и отношений в соответствии с новым культурно-историческим этапом развития.

Произошло снижение значимости традиционных норм и стилей жизни как образцов «нравственного поведения». Наблюдается отход от преемственности в воспроизводстве сущностных характеристик духовности, реорганизация духовного пространства, утрата критериев, определяющих духовное развитие личности и обществ. Однозначным духовным ценностям противопоставляются новые, соответствующие плюральному обществу ценности, представленные в массовой культуре. Всё это новая социальная реальность с уникальными процессами специфических национальных особенностей трансформирующихся обществ, затронувшая основы жизни российского общества, славянской ментальности.

Глобальные процессы, развернувшиеся в экономике, политике и культуре, требуют от российского общества переориентации на новые, рыночные правила игры. В условиях индивидуализации,

самостоятельного проектирования бытия человек не только изменяет себя, освобождается от социальной предзаданности. Он создаёт новые социальные отношения, новое социальное пространство. Это даёт ему больше возможности строить траекторию своей жизни по индивидуальному плану, открывая новые пути самореализации, которых не было у предшествующих поколений. Однако в условиях социальной трансформации российского общества самореализация молодёжи непредсказуема, интеграция молодёжи в общественные структуры неопределённа, деформация ценностей и их гибридное существование не способствуют духовной зрелости молодёжи, столкновение разнонаправленных тенденций способствует конфликтам, как в молодёжной субкультуре, так и между молодыми людьми и обществом.

Кризис духовно-нравственных оснований развития личности и общества приобрёл глобальный характер, и модернизирующееся российское общество уже испытывает на себе его влияние. Причина развития противоречий в духовном воспроизводстве лежит в культурно-цивилизационном столкновении, обуславливающем явления системного кризиса. Современный мир есть «столкновение цивилизаций» (С. Хантингтон), «конец истории» (Ф. Фукуяма), утверждение цивилизации «гуманистического глобализма» (В. И. Толстых, Ю. В. Яковец) с новыми культурно-историческими факторами развития. Учёные дают различные определения данному обществу: «посткапиталистическое общество», «глобализирующееся общество», «индивидуализированное общество» и т. д. [1–8]. Показывая, что существующие на данном этапе его характеристики – лишь «отдельные грани проявления его специфических свойств, которые существуют в этом обществе одновременно» [5, с. 3].

Отсутствие условий, способствующих формированию единого группового сознания, сохранению преемственности духовных ценностей предшествующих поколений приводит к незрелости духовной составляющей, изменению мировосприятия в сторону прагматизации и монетизации сознания, дестабилизации механизма воспроизводства норм и ценностей, дисфункции институтов социализации (семьи, образовательных учреждений), социальной дезорганизации, отсутствию позитивной интеграции, самореализации молодёжи в социальной жизни и гармонизации разнонаправленных социокультурных процессов.

Историческое развитие, как личности, так и общества, разрешает проблему формирования индивидуального и группового сознания в гармоничном соотношении с общественно значимыми

общественными образцами и, непосредственно в славянской культуре – с сущностными основами славянской ментальности, которые ради воспроизводства жизни общества затрагиваться не должны.

В связи с этим как никогда актуально и остро встаёт вопрос о целостном подходе к изучению процессов духовного воспроизводства, формированию духовных ценностей, направленности духовного развития молодого поколения. Необходимо глубже раскрывать природу духовности, осознав её влияние на формирование сознания и поведения личности, расширить представления о детерминантах, обуславливающих её духовное развитие в условиях трансформирующегося современного российского общества от низших ступеней к высшим.

Библиографический список

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2005.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М., 2000.
3. Друкер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999.
4. Добреньков В. И. Глобализация и Россия : социологический анализ. – М., 2006.
5. Маринов М. Б. Стратегия жизни личности в индивидуализирующемся обществе : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 3.
6. Мальковская И. А. Профиль информационно-коммуникативного общества (обзор современных теорий) // Социологические исследования. – М., 2007. – № 2.
7. Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества. – М., 2004.
8. Ferrarotti F. The Myth of Inevitable Progress. Westport (Conn.). – London, 1985.

ОБЩАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ СПОРТСМЕНОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

**Е. Е. Гант, кандидат психологических наук, доцент
Харьковская государственная академия физической
культуры, г. Харьков, Украина**

Summary. Psychodiagnostic examination was conducted among athletes. The features of cognitive productivity athletes in a competitive activities. It is shown that the examined athletes there is a slight decrease in the productivity of cognitive functions as memory and attention disorders during the competitions.

Keywords: cognition; memory; functions attention; athletes.

Переживания людьми различных экстремальных событий имеют выраженное негативное влияние на их психику. Особое место в данном контексте принадлежит изменениям личности

и поведения, которые, с одной стороны, могут углублять имеющиеся психические нарушения и способствовать их хронизации, а с другой – являются самостоятельной проблемой, проявляясь на клиническом уровне, что также приводит к формированию психологической дезадаптации и снижению качества жизни [2; 8]. Спорт – один из наиболее специфических видов деятельности человека, здесь сочетаются самые высокие, на грани человеческих возможностей, физические нагрузки и огромные эмоциональные напряжения. Спорт высших достижений как профессиональный вид деятельности в силу своей специфики в значительной степени влияет на состояние здоровья тех, кто им занимается. Вместе с тем соответствующий уровень психологического здоровья является необходимой составляющей высокой результативности и надёжности спортсменов [3–6; 8]. Анализ отечественной и зарубежной литературы по проблеме психического и психологического здоровья показал, что понятие «психическое здоровье» использовалось раньше, а в некоторых источниках и до настоящего времени, как альтернатива состоянию психического нездоровья, нарушений психики. Однако следует отметить, что сегодня представление о психическом и психологическом здоровье в мировой практике в значительной степени основано на данных о том, что практически в каждом человеке заложено активное стремление к здоровью, заложена тяга к развитию, к актуализации человеческого потенциала.

Психологическое здоровье спортсмена – это процесс сохранения и развития регуляторных свойств организма, его психического и социального благополучия, что обеспечивает высокую надёжность профессиональной деятельности, спортивное долголетие и максимальную продолжительность жизни. К основным критериям психологического здоровья относят адекватное восприятие окружающей среды, сознательное совершение поступков, активность, работоспособность, целеустремлённость, способность устанавливать близкие контакты, полноценная семейная жизнь, чувства привязанности и ответственности по отношению к близким людям, способность составлять и осуществлять свой жизненный план, ориентация на саморазвитие и целостность личности [6–8]. Несмотря на длительную историю изучения физических и психических возможностей спортсменов, тема повышения роли самой личности в сохранении собственного психологического здоровья остаётся актуальной для современной психологической науки и практики. К малоизученным вопросам относится проблема когнитивной продуктивности спортсменов.

В некоторых случаях снижение психической работоспособности спортсменов является первым и/или доминирующим симптомом общего истощения организма, существенно влияет на эффективность их профессиональной деятельности, но далеко не в полной мере учитываются на практике [5–8]. Психопатологические проявления, наблюдаемые у спортсменов, чаще всего достаточно тонкие, своеобразные, а их симптоматика определяется специфической спортивной деятельностью [7; 8]. Наиболее частыми эмоциональными нарушениями, возникающими у спортсменов в тренировочно-соревновательном цикле, являются невротические реакции, под которыми следует понимать кратковременные изменения поведения и самочувствия в ответ на психотравмирующий раздражитель. В спортивной практике наиболее часто встречаются неврастения, невроз навязчивых состояний, кардионевроз. Такие состояния проявляется сначала ослаблением внутреннего активного торможения, а потом ослаблением тормозных и возбуждательных процессов. Усиливается истощённость и замедляется восстановление психических процессов спортсменов. Объективно отмечается снижение физической работоспособности, особенно связанной с точными движениями, повышаются сухожильные рефлексy, наблюдается выраженный дермографизм, адинамия, апатия и др. [5; 7; 9].

Как известно, объём физических нагрузок в предсоревновательный период существенно выше, чем во время соревновательного сезона, поэтому до конца его накапливается усталость. Сама ситуация соревнований – достаточно сильный стрессор независимо от физической нагрузки, которую выполняет спортсмен. Ряд данных свидетельствует о том, что к физической работе при правильной методике тренировки организм со временем адаптируется, к нагрузкам же эмоциональным, связанных с участием в соревнованиях – нет. Одна из причин заключается в том, что психика человека одновременно и более подвижна, и более инерционна, чем физиология. Одни психические процессы развиваются практически мгновенно, другие же могут длиться неделями и месяцами [2; 5; 9]. Особый интерес в этом контексте представляет собой определённая зависимость показателей психологического здоровья от этапа тренировочной деятельности.

Научные исследования по этим вопросам в основном или посвящены феноменологии пограничных психических расстройств спортсменов, или отражают результаты изучения отдельных личностных характеристик этих категорий людей. Такие личностные особенности спортсменов, как ипохондричность, тревожность,

эмоциональная неустойчивость, социальная зависимость, не только не способствуют эффективной психологической адаптации спортсменов, но и поддерживают дезинтеграцию личности в экстремальных условиях их профессиональной деятельности.

Учитывая многоплановость факторов, обеспечивающих психологическое здоровье спортсменов, вариабельность психических состояний и процессов, которые могут ухудшать общее состояние спортсмена, снижать результативность профессиональной деятельности, а так же качество его жизни, исследования в этом направлении являются актуальными и имеют большое медико-социальное значение. Актуальность исследования также обусловлена потребностью в научной разработке психологического инструментария для оценки психологического здоровья спортсменов и необходимостью разработки и научного обоснования системы организационно-практических мероприятий по сохранению психологического здоровья спортсменов и формирования у них психической устойчивости.

Целью данной работы является комплексное психодиагностическое исследование особенностей продуктивности когнитивных функций спортсменов, занимающихся экстремальными видами спорта. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ категории «психологическое здоровье» и рассмотреть вопросы развития современных представлений о специфике психологического здоровья спортсменов.

2. Исследовать состояние когнитивных функций у спортсменов, которые систематически занимаются экстремальными видами спорта.

3. Проследить динамику продуктивности когнитивных функций на разных этапах соревновательной деятельности.

В процессе выполнения исследования использовался комплекс теоретических, эмпирических и статистических методов. Теоретические методы: теоретико-методологический анализ проблемы, сравнение и обобщение данных. Эмпирические методы: беседа, наблюдение, психодиагностический метод. Для диагностики продуктивности когнитивных функций применялись методика «Таблицы Шульте» и методика «Запоминание 10 слов» [4]. Статистическая обработка полученных эмпирических данных осуществлялась с помощью метода установления вероятности отклонений (по t-критерию Стьюдента).

Организация исследования. В исследовании приняли участие 63 спортсмена, которые занимаются экстремальными видами

спорта (бокс, дзюдо, спортивный туризм, тхэквондо). Первая стадия исследования проходила в условиях соревновательной деятельности, второй этап – в постсоревновательный период.

Результаты исследования. Первым этапом нашей работы стало изучение продуктивности мнестических функций спортсменов. Согласно результатам, полученным с помощью методики «Запоминание 10 слов», в период соревнований, у обследованных спортсменов объём непосредственного запоминания составил $5,79 \pm 0,22$ слова. Это отвечает показателям нижней границы нормы (7 ± 2 слова из 10). Однако данные показатели достоверно ниже, чем в постсоревновательный период, когда объём первого воспроизведения составил $7,52 \pm 0,17$ слова ($t = 6,22$; $p < 0,001$). Объём вербального запоминания после пятого предъявления в условиях соревновательной деятельности составил $9,17 \pm 0,21$ слова, в постсоревновательный период – $9,97 \pm 0,03$ слова (отличия достоверно значимы ($t = 3,77$; $p < 0,001$). Отсроченное воспроизведение в период соревнований составило $7,83 \pm 0,34$ слова, что достоверно ниже ($t = 4,10$; $p < 0,001$), чем в постсоревновательный период, когда объём продолжительной вербальной памяти составил $9,31 \pm 0,12$ слова из 10. Итак, объёмы вербальной кратковременной и долговременно памяти испытуемых спортсменов в период соревновательной деятельности были достоверно ниже ($t = 3,77$; $p < 0,001$), чем в постсоревновательный период.

Анализ «кривых запоминания», которые отражают уровень психической работоспособности, показал, что у спортсменов в период соревнований в целом сохранена произвольная регуляция деятельности, однако продуктивность произвольного запоминания вербального материала в условиях соревнований была достоверно ниже, чем в постсоревновательный период ($p < 0,001$).

Таким образом, в 82,87% у спортсменов, в экстремальных условиях соревновательной деятельности, имеют место лёгкие нарушения вербальной памяти в виде сужения объёмов и снижения прочности запоминания, а также в виде снижения продуктивности произвольного запоминания вербального материала.

При изучении вербальной памяти спортсменов у них были выявлены дефекты селективности мнестических функций. При воспроизведении ряда слов испытуемые повторяли уже названные слова, а также называли «лишние» слова (слова, которые не были представлены для запоминания). Данные дефекты селективности наблюдались как при непосредственном воспроизведе-

дении, так и при отсроченном. Количество «лишних» слов было в пределах от одного до пяти. Дефекты селективности мнестических функций в виде вербальных контаминаций и повторов чаще имели место при непосредственном воспроизведении.

Таким образом, у спортсменов в условиях соревновательной деятельности имеют место лёгкие дефекты кратковременной и долговременной вербальной памяти, некоторое снижение продуктивности запоминания. Отмечаются и такие мнестические нарушения, как дефекты селективности в виде вербальных контаминаций и повторов, которые чаще имели место при непосредственном воспроизведении. Данные мнестические нарушения, у спортсменов носили функциональный характер и подвергались редукции в первой декаде постсоревновательного периода.

Для изучения продуктивности функций внимания спортсменов применялась методика «Таблицы Шульте». В условиях соревновательной деятельности темп выполнения заданий по «Таблицам Шульте» у обследованных спортсменов, был неравномерным. Средний исходный уровень – $43,20 \pm 2,00$ с – время, выполнения задания по первой таблице. И далее идёт постепенное и неуклонное снижение показателей, без колебаний в сторону улучшения ($48,37 \pm 2,70$ с – время, выполнения задания по 2 таблице; $50,57 \pm 2,77$ с – время, выполнения задания по 3 таблице; $50,60 \pm 3,88$ с – время, выполнения задания по 4 таблице; $51,97 \pm 2,71$ с – время, выполнения задания по 5 таблице).

Эти результаты свидетельствуют о том, что в экстремальных условиях соревновательной деятельности у обследованных спортсменов происходит увеличение в сопоставлении с нормативными значениями времени, необходимого на выполнение задачи по «таблицам Шульте». (В «норме» отыскивание чисел по каждой из таблиц составляет 40–45 с. При этом поиск чисел должен идти равномерно, или должно происходить ускорение темпа сенсомоторных реакций при работе с последующими таблицами). Во многих случаях увеличение общего времени у спортсменов обусловлено не тем, что они медленно искали числа, а отдельными «случайными» задержками. То есть обследованные называли и показывали ряд чисел с достаточной скоростью, а потом вдруг никак не могли найти одно какое-нибудь число (часто заявляя, что такого числа в таблице вообще нет). Неравномерный темп выполнения задания и увеличение количества ошибок с каждой следующей таблицей свидетельствуют о прогрессирующем ослаблении интенсивности внимания в процессе работы.

В постсоревновательный период у обследованных спортсменов, исходный уровень выполнения заданий по «Таблицам Шульте» ($37,27 \pm 2,14$ с) достоверно выше, чем в условиях соревновательной деятельности ($t = 2,68$; $p < 0,05$). Время выполнения задания по второй таблице составило $41,73 \pm 3,12$ с, что достоверно меньше, чем в условиях соревновательной деятельности ($t = 2,65$; $p < 0,05$). Далее наблюдается некоторое снижение темпа сенсомоторных реакций при работе с последующими таблицами: $45,60 \pm 3,74$ с – время, выполнения задания по третьей таблице; $43,60 \pm 5,12$ с – время, выполнения задания по четвёртой таблице; $46,60 \pm 3,79$ с – время выполнения задания по пятой таблице. Данные результаты находятся в пределах возрастной нормы.

Эффективность работы (среднее время выполнения задания по «Таблицам Шульте») в условиях соревновательной деятельности составила – $48,94 \pm 1,29$ с, что достоверно ниже ($t = 2,20$; $p < 0,01$), чем в постсоревновательный период, когда эффективность работы составила $44,15 \pm 1,12$ с.

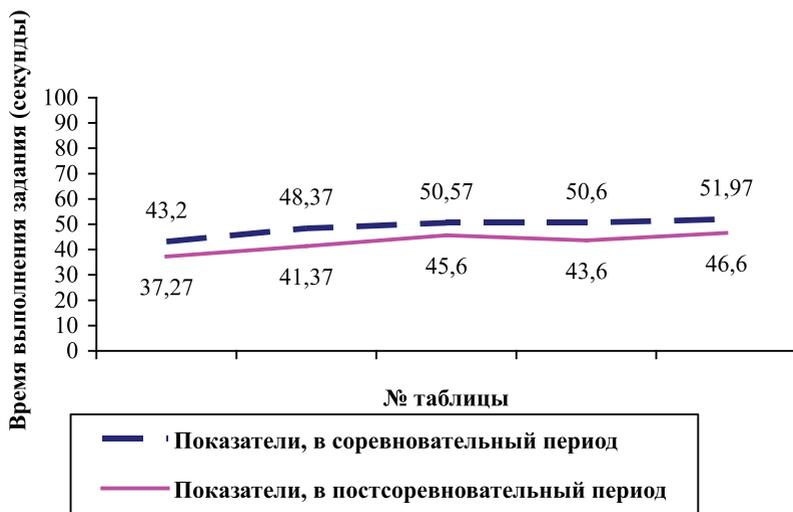
Таким образом, в условиях соревновательной деятельности эффективность работы по «таблицам Шульте» у обследованных спортсменов достоверно ниже ($t = 2,20$; $p < 0,01$), чем в постсоревновательный период. Имеет место сужение объёма произвольного внимания лёгкой степени выраженности. Сужение объёмов произвольного внимания сопровождается нарушениями процессов концентрации, распределения и переключения.

На основании результатов, полученных с помощью методики «Таблицы Шульте», были построены графики – «Кривые работоспособности», отражающие кинетику психической работоспособности спортсменов в соревновательный и постсоревновательный периоды (рисунок).

Как, показано на рисунке, «кривая работоспособности» в период соревнований в целом имеет такой вид: 43, 20; 48, 37; 50, 57; 50, 60; 51, 97 – средний исходный уровень и далее постепенное и неуклонное снижение показателей без заметных их колебаний к улучшению. Т. е кривая психической работоспособности спортсменов, в экстремальных условиях соревновательной деятельности представлена гипостеническим вариантом астении.

В постсоревновательный период «кривая работоспособности» испытуемых носит зигзагообразный характер: высокий начальный уровень, далее идёт некоторый спад, потом наблюдается тенденция возврата к прежнему уровню. Анализ «кривой работоспособности», которая отражают уровень психической работо-

способности, позволяет сделать вывод, что в постсоревновательный период у спортсменов, которые занимаются спортивным туризмом, имеет место гиперстенический вариант астении.

Показатели внимания спортсменов в соревновательный и постсоревновательный периоды

По результатам методики «Таблицы Шульте» так же оценивались следующие показатели: степень вработываемости и психическая устойчивость (по методу А. Ю. Козыревой). В условиях соревновательной деятельности показатель степени вработываемости обследованных спортсменов составил $0,89 < 1,0$; показатель вработываемости в постсоревновательный период – $0,84 < 1,0$. Показатель психической устойчивости в условиях соревновательной деятельности $-1,03 > 1,0$, что говорит о низкой психической устойчивости (чем выше $1,0$ данный показатель, тем хуже психическая устойчивость испытуемого). В постсоревновательный период показатель психической устойчивости – $0,99 < 1,0$, что говорит о хорошей психической устойчивости, соответственно.

Т. е. у обследованных спортсменов, как в условиях соревновательной деятельности, так и в постсоревновательный период, отмечаются высокие показатели степени вработываемости. Тогда как степень психической выносливости в соревновательный период гораздо ниже, чем в условиях постсоревновательной деятельности.

Выводы

Продуктивность когнитивных функций спортсменов обуславливает общее состояние их психологического здоровья, а так же определяет эффективность и результативность профессиональной деятельности данной категории людей.

Установлено, что для 82,87% спортсменов, которые занимаются экстремальными видами спорта, соревновательная деятельность, характеризуется лёгким снижением продуктивности когнитивных функций и психической работоспособности. Структуру когнитивных дисфункций в период экстремальной соревновательной деятельности определяют сужение объёмов непосредственной и долговременной памяти, снижение продуктивности процесса запоминания, дефекты селективности, сужение объёмов произвольного внимания, нарушения процессов концентрации, распределения и переключения.

Анализ кривой психической работоспособности, позволил сделать вывод, что у спортсменов в экстремальных условиях соревновательной деятельности имеет место гипостенический вариант астении; в постсоревновательный период имеет место гиперстенический вариант астении. Нарушения когнитивных функций у спортсменов в период соревновательной деятельности носят функциональный характер и поддаются редукции в первой декаде постсоревновательного периода.

Библиографический список

1. Бейгул І. О. Психологічна стійкість як одна з головних умов адаптації дзюдоїстів до дії на психіку екстремальних ситуацій спортивної діяльності // Слобожанський науково-спортивний вісник. – Харків, 2010. – Вип. 1. – С. 143–146.
2. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций : собр. соч. : в 6 т. – М., 1984. – Т. 1. – 508 с.
3. Гант Е. Е., Павлик Е. М., Штых В. А // Сучасний стан розвитку екстремальної та кризової психології: матеріали III Міжнародної науково-практичної конференції, 28–29 листопада 2013, Національний університет цивільного захисту України. – М.; Харків.
4. Гант Е. Е., Долиновская О. Н. Характеристика функций внимания спортсменов как показатель психической работоспособности // Слобожанський науково-спортивний вісник : наук.-теорет. журнал. – Харків : ХДАФК, 2011. – № 4 – С. 272.
5. Гант Е. Е., Сушкова М. В. Особенности мнестических функций спортсменов в условиях соревновательной и постсоревновательной деятельности // Слобожанський науково-спортивний вісник : наук.-теорет. журнал. – Харків : ХДАФК, 2011. – № 4. – С. 265.

6. Гант Е. Е. Когнитивная продуктивность скалолазов как представителей экстремальных видов спорта // Здоровий спосіб життя-здорово людини-здорове суспільство: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, 5–6 квітня 2012 року. – М.; Кіровоград. – С. 37.
7. Гант Е. Е. Психическая работоспособность скалолазов в экстремальных условиях спортивной деятельности // Рудиковские чтения-2012: материалы VIII Международной научно-практической конференции по психологии спорта и физической культуры, Москва, Россия, 5–7 июня 2012 года. – С. 245–259.
8. Сопов В. Ф. Психические состояния в напряжённой профессиональной деятельности. – М. : Трикта, 2005. – 128 с.

СТАРЕНИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ

А. А. Дюсупова, доктор медицинских наук, доцент;

А. А. Дюсупов, доктор медицинских наук, доцент;

А. З. Дюсупов, доктор медицинских наук, профессор;

Б. Б. Дюсупова, кандидат медицинских наук, доцент;

А. М. Досбаева, Ж. К. Заманбекова

Государственный медицинский университет,

г. Семей, Казахстан

Summary. This article is about elderly persons, changes in their nervous system, psychic problems, sometimes wich demanded in medical care. Basic direction of this article include status of elderly persons in the family, social isolation and what must they and we do for improvement of their condition.

Keywords: elderly persons; social isolation; psychic problems.

Процесс старения населения выдвигает социальные и психологические проблемы. К ним относятся: устройство пожилых людей; их положение в семье и обществе, изменяющееся после окончания профессиональной деятельности и часто связанное с одиночеством, отсутствием должного внимания и поддержки членов своей семьи. Это часто влечет за собой угасание интереса к жизни, социальную изоляцию [1; 3; 4–6].

Мозг является органом высшей нервной деятельности. С возрастом, к сожалению, стареют и нервные ткани мозга. В зависимости от интенсивности этого процесса, что индивидуально, начинают наступать изменения как в психике, так и во всей нервной системе. Степень этих изменений может быть выявлена невропатологом: при нормальной старости изменения скрыты, незначительны и на общем течении жизни почти не отражаются. Изменения, происходящие в психике, оценивают психиатр

и психолог. Если они приобретают болезненную форму, то в этих случаях необходимо лечение. К старости психика человека изменяется, но причиной этому может быть общественное мнение, которое неустанно навязывает весьма непривлекательный образ старости. Это впечатляющее влияние приводит к тому, что человек начинает с огорчением и болью встречать приближающуюся очередную годовщину со дня своего рождения, стыдиться каждой замеченной у себя морщины. Он перестает заниматься спортом, так как это «уже неудобно», отказывается от участия в тех сферах жизни, где мог бы еще продолжить успешную деятельность. Таким путем сам человек ускоряет наступление физической и умственной немощи, слабосилия [1; 5]. Чем глубже проникают в душу человека эти парализующие ощущения тоски, страха и пессимизма, тем тяжелее встретит он старость, тем короче будет его жизнь. Можно с уверенностью сказать, что у большинства старых людей, не страдающих слабоумием, разум не менее светлый, чем у молодых. Его основные черты – жизненная мудрость, базирующаяся на опыте, умеренность, рассудочность, осторожность, спокойствие, более беспристрастный взгляд на события и проблемы. Но поскольку жизненные силы и способность к адаптации в какой-то степени снижаются, то инициатива и стремление к деятельности чаще всего идут на убыль. Чаще всего эти люди понимают, что постепенно их умственные способности слабеют, особенно ухудшается память, однако они стараются это скрывать. В рассматриваемой проблеме многое зависит от степени умственных способностей того или иного человека в молодые годы, от того, как формировался и развивался его ум. Систематическая умственная деятельность, особенно творческая, тренирует мозг, поддерживает его в работоспособном состоянии до самого преклонного возраста. Поэтому люди интеллектуального труда, например ученые, писатели, артисты, очень часто и в глубокой старости проявляют ясность ума. А люди, которые свой мозг никогда не нагружали, чаще впадают в старческое слабоумие [1; 3; 5]. У пожилого человека нередко бывают и другие причины для депрессии: потеря близких людей, плохое материальное положение, уход из семьи детей или плохие отношения с ними, страх перед заболеванием и немощью, чувство одиночества, потерянности в этом всё более ускоряющемся темпе жизни... Всё это – нагрузки, которые могут весьма ощутимо подавлять психику пожилого человека, влиять на его отношение к жизни [1; 3; 4–6].

Однако с годами меняются сложившиеся веками представления о старости. Не все теперешние старики соответствуют

описанной выше удручающей картине. Есть много таких, которым свойственно живое участие в окружающем, у них полностью сохранен интерес к общественной жизни. Люди преклонного возраста делают всё, чтобы не утратить тонус и работоспособность. Женщины, даже переступившие порог 70-летия, не отказываются от косметики, модной одежды и прически [2]. Большинство современных людей пожилого возраста не расценивают свой возраст как закат жизни. Их характеризуют оптимистический взгляд на будущее и деятельное отношение к жизни, желание постоянно быть в гуще событий, энергия и активность, что может служить прекрасным образцом для других поколений.

Библиографический список

1. Альперович В. Д. Геронтология. Старость. Социокультурный портрет : учеб. пособие. – М. : Приор: эксперт. бюро, 1998. – 270 с.
2. Висьневска-Рощковска К. Новая жизнь после шестидесяти. – М. : Прогресс, 1989.
3. Журавлева Т. П., Пронина Н. А. Сестринское дело в гериатрии. – М. : АНМИ, 2005. – 438 с.
4. Медведева Г. П. Введение в социальную геронтологию / Академия педагогических и социальных наук; Московский психолого-социальный институт. – М. : Воронеж, 2000. – 95 с.
5. Шебакин А. В. Основы геронтологии. – Новосибирск, 2005. – 73 с.
6. Ярыгин В. Н., Мелентьев А. С. Руководство по геронтологии и гериатрии // Клиническая гериатрия. – М. : ГЭОТАР-МЕД, 2003. – 523 с.

ЖИЗНЕННЫЕ ПОЗИЦИИ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА

А. А. Дюсупова, доктор медицинских наук, доцент;

А. А. Дюсупов, доктор медицинских наук, доцент;

А. З. Дюсупов, доктор медицинских наук, профессор;

Б. Б. Дюсупова, кандидат медицинских наук, доцент

Государственный медицинский университет,

г. Семей, Казахстан

Summary. This article is about elderly persons, changes in their nervous system, psychic problems, social degradation. Elderly persons have different life positions. Today many elderlies have positive, active life and we must help for improvement of their social condition.

Keywords: elderly persons; social and psychic problems; active life.

Психологические и социальные проблемы пожилого человека весьма актуальны сегодня. Выход на пенсию часто воспринимается как некоторая социальная деградация, снижение престижа по-

жилого человека в кругу товарищей по работе, среди знакомых и в семье [2–4; 6]. Рассмотрим жизненную позицию пожилых людей, их отношение к окружению и проблемы меняющегося характера. Постепенное ослабление контролирующей и тормозной функций коры головного мозга влечет за собой проявление некоторых черт характера и темперамента, которые в молодости в какой-то мере «держались в узде» и маскировались. Принципиальная жизненная позиция человека, как правило, не меняется, но становится всё более очевидной, более выраженной. Группа американских психологов на основе проведенных исследований выделила пять основных «жизненных позиций» пожилых людей:

1. «Конструктивная» позиция. Люди с такой позицией, как правило, всю жизнь были спокойными, довольными и веселыми. Они сохраняют эти черты и в старости. Они позитивно относятся к жизни и в то же время способны смириться с приближающейся смертью, не страшась ее. Они активны, из своей старости и недомоганий трагедии не делают, ищут развлечений и контактов с людьми. Такие люди, скорее всего, благополучно проживают свой последний период жизни.

2. «Зависимая» позиция присуща пожилым людям, которые всю жизнь не очень-то доверяли себе, были слабовольными, уступчивыми, пассивными. Стараясь, они с еще большим усилием ищут помощи, признания, а не получая этого, чувствуют себя несчастными и обиженными.

3. «Защитная» позиция формируется у такого типа людей, которые как бы «покрыты броней». Они не стремятся к сближению с людьми, не желают получать от кого бы то ни было помощь, держатся замкнуто, отгораживаясь от людей, скрывая свои чувства. Старость они ненавидят. Они не желают отказываться от работы и активности.

4. Позиция «враждебности к миру». Это – «гневные старики», обвиняющие окружающих и общество, виноватых, по их мнению, во всех поражениях и неудачах, которые они претерпели в жизни. Люди этого типа подозрительны, агрессивны, никому не верят, не хотят от кого-либо зависеть, испытывают отвращение к старости, цепляются за работу.

5. Позиция «враждебности к себе и своей жизни». Люди с этой позицией – пассивные, без интересов и инициативы старики, склонные к депрессии и фатализму. Чувствуют себя одинокими и ненужными, свою жизнь считают неудавшейся, к смерти

относятся без боязни, как к избавлению от несчастливого существования [2; 3; 5; 6].

Отдельные элементы перечисленных позиций могут, разумеется, выступать в смешанных сочетаниях. В основном та позиция, которую человек пронес через всю жизнь, к старости лишь несколько заостряется и модифицируется под влиянием новых обстоятельств. Но, безусловно, это не является твердым правилом. Обществу необходимо стремиться к тому, чтобы пожилых людей, хорошо приспособленных к жизни и довольных ею в период старости («конструктивная» позиция), было как можно больше. Такие люди счастливы не только сами, но и помогают другим стать такими же. Их отличает доброжелательность по отношению ко всему окружающему, живость ума, здоровье, активность и высокий моральный уровень. А люди, плохо приспособленные к жизни, чаще всего и сами несчастливы, и другим доставляют немало хлопот своими постоянными претензиями, конфликтами, подозрениями, болезненными страхами, пессимизмом и т. п.

Существует известный общебиологический закон: старение меньше всего поражает и позже всего захватывает тот орган, который больше всего работает [1]. И на практике установлено, что у людей, не желающих стареть, т. е. интенсивно работающих до глубокой старости, продолжительность жизни не сокращается, а увеличивается.

Библиографический список

1. Висьневска-Ропковска К. Новая жизнь после шестидесяти. – М.: Прогресс, 1989.
2. Киселев С. Г. Медицинские и социальные вопросы в геронтологии : сб. ст. и тезисов докл. 2-го Междунар. семинара по вопросам пожилых «Самарские лекции». – Самара, 1997. – Ч. 1. – С. 27–29.
3. Михайлова Н. М. Пути совершенствования амбулаторной терапии психических нарушений у лиц пожилого и старческого возраста // Клиническая геронтология. – 1996. – № 1. – С. 3–7.
4. Мышкина А. К., Шильников Л. В., Полянина А. Ю., Селезнева Т. Д., Ткаченко К. В., Дрангой М. Г., Фирсова С. С., Краснова М. А. Пожилой возраст. Лечение и профилактика болезней. – Научная книга, 2005. – 234 с.
5. Parmelee P. A. Pain in cognitively impaired older persons. Clin Geriatr Med 1996. – № 12. – С. 473–87.
6. Tinker J. M. In: Geriatric Medicine; Problem and Practice. – Berlin, 1989. – P. 313–20.

II. PSYCHOLOGICAL AND EDUCATIONAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE YOUNGER GENERATION

РАЗВИТИЕ КООРДИНАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ «ОСОБЫХ» ДЕТЕЙ СРЕДСТВАМИ ЖОНГЛИРОВАНИЯ

Е. Г. Королькова
Школа VIII вида № 46 «Центр РиМ»,
г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. An article is devoted to the development of coordination abilities of «special» children.

Keywords: coordination abilities; moderate intellectual disability.

Детям с умеренной умственной отсталостью классов «особый ребенок» характерны нарушения когнитивных функций головного мозга, координационных способностей, нарушения функций мышц, внутренних органов и коммуникативных навыков.

Гиподинамия, астенизация, нарушение двигательной активности вследствие поражения ЦНС и ряда сопутствующих заболеваний приводят к вторичным заболеваниям, таким как ожирение, нарушение осанки, плоскостопие, детренированность сердечно-сосудистой системы, функций легких, опорно-двигательного аппарата. Снижается гемодинамика, обменные и окислительные процессы.

Физическое воспитание «особых» детей является одним из образовательных компонентов, направленным на компенсацию и развитие нарушенных функций.

Широкий выбор средств, методов позволяет определить оптимальную и доступную форму физической нагрузки, специальные, общеразвивающие и игровые упражнения.

В связи с резко сниженной способностью к научению, ориентации, пониманию, абстрактному и ассоциативному мышлению игровые упражнения, основой которых являются ациклические движения, вызывают затруднения у данной категории детей.

Одним из средств, служащих решению указанной выше проблемы, и наиболее доступной формой реализации двигательной потребности этих детей является такой вид деятельности, как жон-

глирование, в основе которого лежат циклические упражнения, оказывающие тонизирующее и трофическое действие, обеспечивающие индивидуальный подход, оптимальный темп и дозировку.

Владение элементами жонглирования предусматривает не только развитие зрительно-моторной координации, точности, равновесия, но и дифференцировку мышечных усилий, что в свою очередь способствует усилению работы ослабленных мышц и выравниванию мышечного дисбаланса.

Библиографический список

1. Неврологический статус и его интерпретация : учеб. руководство для врачей / А. А. Скоромец, А. П. Скоромец, Т. А. Скоромец. – М. : МЕДпресс-информ, 2010. – 256 с.
2. Метиева Л. А., Удалова Э. Я. Развитие сенсорной сферы детей // Пособие для учителей специальных (коррекционных) образовательных учреждений VIII вида // Просвещение-2006. – 360 с.
3. Частные методики адаптивной физической культуры : учебник / под общ. ред. Л. В. Шапковой. – М. : Советский спорт, 2007. – 608 с.

НАРУШЕНИЯ ЧТЕНИЯ И ПИСЬМА ИЛИ НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ?

**Е. А. Глаголева, кандидат психологических наук
Центр психолого-медико-социального сопровождения
«Юго-Восток», г. Москва, Россия**

Summary. The article describes the approach to the problems of dysgraphia and dyslexia from the position of levels of abilities. Given a new look at the definition of concepts dysgraphia and dyslexia.

Keywords: abilities; dysgraphia; dyslexia; junior schoolboy.

Одним из основных вопросов школьного обучения к моменту окончания начальной школы остаётся проблема способностей к усвоению знаний (в частности, владение родным языком, навыками грамотного чтения и письма). Подойдём к оценке владения данными навыками с позиции общих и специальных способностей.

В большинстве работ способности рассматриваются как индивидуально-психологические особенности, обеспечивающие легкость и быстроту приобретения знаний, умений и навыков, но не сводящиеся к ним [10; 11]. При этом Б. М. Теплов [11] обращал внимание на то, что способностями можно назвать лишь такие индивидуально-психологические особенности, которые имеют

отношение к успешности выполнения соответствующей деятельности. Удобной классификацией способностей в рамках учебного процесса, на наш взгляд, является классификация, предложенная Г. Гарднером [2]. По ней к спецспособностям относятся: лингвистические, музыкальные, логико-математические, пространственные, телесно-кинестетические, личностные и социальные (Говард Гарднер, 2007).

В рамках учебного процесса способности школьника проявляются в обучаемости [4]. В психолого-педагогической литературе обучаемость рассматривается как эмпирическая характеристика индивидуальных способностей учащегося к усвоению учебной деятельности, в частности в нашей работе к овладению навыком грамотного письма. Объединив подходы Б. М. Теплова и Г. Гарднера и применив их к вопросу рассмотрения способностей к овладению навыком грамотного письма у младших школьников, мы проанализировали данные, полученные при диагностике способностей к русскому языку учащихся четвёртых классов, и выявили, что при преобладании лингвистической составляющей в структуре языковых способностей обнаруживается более успешное освоение навыков грамотного письма, проявляющееся в наличии меньшего количества ошибок при написании диктанта. Также было выявлено, что существует взаимосвязь между определёнными категориями ошибок учащихся четвёртых классов и личностными показателями их проявления. Среди ошибок, наиболее часто допускаемых учащимися четвёртых классов, были определены три вида ошибок: на «безударную гласную» (31,3%), на «звонкость – глухость» согласных (11,3%), на «угадывание» (замены букв, слов, предложений) (9,57%). Так как изначально при проведении исследования в категории ошибок, допускаемых учащимися четвёртых классов, были включены так называемые «специфические ошибки», то полученные результаты позволили нам обратиться к терминологии дисграфии и дислексии с позиции лингвистических способностей [6; 9]. Традиционно дисграфия трактуется как частичное нарушение процесса письма, проявляющееся в стойких, повторяющихся ошибках, обусловленных несформированностью фонематической системы языка. Дислексия – частичное расстройство процесса овладения чтением, проявляющееся в стойких, повторяющихся ошибках, обусловленных несформированностью фонематической системы языка. Психологический аспект изучения нарушений письменной речи (дисграфия) и нарушений чтения (дислексия) в литературе

представлен по двум направлениям: исследование психологических механизмов дислексии и дисграфии и психологических особенностей детей с дислексией и дисграфией. Во всех исследованиях подчеркивается общность механизмов нарушений чтения и письма. При этом во многих вопросах указанные два направления переплетаются. Вместе с тем проблема сущности нарушений письма (дисграфии) и нарушений чтения (дислексии) до настоящего времени является недостаточно разработанной, хотя и изучается комплексно в различных аспектах.

В одном из последних обзоров зарубежной литературы, сделанных Е. Л. Григоренко и Дж. Дж. Эллиотт [3], нашедшем своё воплощение в книге «Чтение о чтении» (2012), наиболее полно раскрыто состояние терминологии в области развития речи детей за рубежом. Тем не менее авторы подчёркивают, что в настоящее время в зарубежной литературе всё же нет чётких разграничений в терминологии для описания речевых нарушений и их проявлений. Все эти вопросы остаются дискуссионными. Аналогичная ситуация, по данным А. Н. Корнева, наблюдается и в отечественной научной литературе [5]. Если усвоение такого предмета, как русский язык, связано с овладением письменной формой речи, то относительно формы речи, с которой связано чтение, имеются разные точки зрения. В отечественной психологии чтение, как и говорение, относят к формам устной речи. Некоторые зарубежные психологи, в частности М. Ратгер [8], считают, что чтение связано с письменной формой, а говорение – с устной формой речи.

Распространённость дислексии в популяции детей школьного возраста, отмечаемая в зарубежной литературе, варьируется в зависимости от принятого определения и выбранных точек отсчёта, а также от того, какие данные при этом используются. Соответственно, в цифровых значениях наблюдаются значительные колебания: от 1–2 % (Matejcek, 1974) [13] до 10 % (Hallgreen, 1950), 5–15 % (Bender, 1968) и 17 % (Shaywitz S. E., 2005). В отечественных исследованиях приводится показатель 8,7 % (Певзенер М. С., Явкин В. М., 1977 г.) [7].

Нередко для обозначения расстройства чтения и письма, особенно в зарубежной литературе, используется один общий термин – дислексия, под которым понимают своеобразные трудности, испытываемые нормальными во всех других отношениях детьми при научении чтению и письму [1]. Большинство англоамериканских и чешских специалистов считают нарушения письма вторичными, сопутствующими нарушениям

чтения (M. Critchley, E. Critchley, W. Gaddes, Z. Matejcek). Так, Z. Matajcek [13] использует термин «дисграфия» в качестве одного из вариантов дислексии. А термин «дисграфия» в англоязычной литературе употребляется либо для обозначения практически любых нарушений письма (J. Kaluger, C. Kolson [12], D. Roeltgen, D. Tucker [14]), либо для обозначения нарушения каллиграфии.

Представители французской школы ошибки буквенного обозначения звуковой структуры слова на письме и орфографические ошибки обозначают термином «дизорфография». Подводя итог вышесказанному, ещё раз отметим разноречивость и размытость понятий дисграфии и дислексии в литературе.

Введение понятия уровня (высокий, низкий) каких-либо способностей (в данной статье мы говорим о лингвистических способностях) позволит нам уйти от понятия «нарушения», даст возможность определить дисграфию как частное проявление лингвистических способностей (а именно как низкий уровень лингвистических способностей) в освоении навыка грамотного письма в различных разделах русского языка: фонетики, фонологии, морфологии и синтаксиса. Дислексию определим как низкий уровень лингвистических способностей, проявляющийся в низком уровне либо техники чтения, либо понимания прочитанного, либо того и другого. При таком подходе мы сможем ввести в дальнейшем и количественную оценку способностей. Такой подход, на наш взгляд, внесёт ясность в определение дисграфии и дислексии для широкого круга населения и сократит разрыв в терминологии отечественных и зарубежных авторов.

Библиографический список

1. Веллютино Ф. Р. Дислексия // В мире науки. – 1987. – № 5. – С. 4–12.
2. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта : пер. с англ. – ООО «И.Д. Вильямс», 2007. – 512 с.
3. Григоренко Е. Л., Эллиот Дж. Дж. – Воронеж : АИСТ, 2012. – 416 с.
4. Кабардов М. К. О диагностике языковых способностей // Психологические и психофизиологические исследования речи / АН СССР. Ин-т психологии; отв. ред. Т. Н. Ушакова. – М. : Наука, 1985. – С. 176–202.
5. Корнев А. Н. Нарушения чтения и письма у детей : учеб.-метод. пособие. – СПб. : ИД «МиМ», 1997. – 286 с.
6. Логопедия : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. «Дефектология» / Л. С. Волкова, Р. И. Лалаева, Е. М. Масюкова и др. ; под ред. Л. С. Волковой. – М. : Просвещение, 1989. – 528 с.

7. Певзнер М. С., Явкин В. М. Результаты обследований неуспевающих учащихся начальных классов общеобразовательных школ // Дефектология. – 1977. – № 2. – С. 19–23.
8. Раттер М. Помощь трудным детям. – М. : Прогресс, 1987. – 424 с.
9. Российская Е. Н. Методика формирования самостоятельной письменной речи у детей. – 2-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2005. – 240 с. – (Библиотека логопеда-практика).
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб. : Питер Ком, 1999. – 720 с. – (Сер. «Мастера психологии»).
11. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. – М. : Просвещение, 1961. – 536 с. – (Труды действ. членов академии АПН РСФСР).
12. Kolson C. J., Kaluger G. Reading and learning disabilities. – 2 ed. – Columbus, 1978. – 494 p.
13. Matejcek Z., Sturma J. Language structure, dyslexia and remediation: the Crech perspective // Dyslexia: it's neuropsychology and treatment / (eds.), by G. Pavlidis, F. Fisher. – New-York : Chichester, 1986. – P. 203.
14. Roeltgen D. P., Tucker D. M. Developmental phonological and lexical agraphia in adults // Brain and Lang. – 1988. – Vol. 35. – № 2. – P. 287–300.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE SELF-ESTEEM AND TELEVISION VIEWING HABITS OF ADOLESCENTS

**B. Aliyev, Doctor of psychological sciences, professor;
A. Turkmen
Baku State University, Baku, Azerbaijan**

Summary. Televisions are ubiquitous in Azerbaijan homes. Adolescents have far greater access to television than ever before with far less monitoring by caregivers. Most adolescent view an average of 3-4 hours of television a day and first develop program preferences at age 2. In addition the nature of television programming has changed. One shift has been the increase in frequency and intensity of sexual and violent acts on television. Cable services offer programs with even more frequent and more graphic sex, violence and drug use than broadcast television.

Keywords: Television; Viewing Habits; Self-Esteem; Adolescent.

Premium packages broadcast R rated movies in unedited form. Another development is the creation of channels specifically geared toward adolescent allowing companies to market directly to adolescent in capable of resisting the pressure to buy their products. There is the reality that most programming on television is designed for adults and is not suitable for children and adolescent, yet they often see such material and many times prefer it.

Lastly there is the multi-sensory nature of television which is more stimulating than other media such as books, music or comics. What are the consequences of this media environment on the developing psyche of an adolescent? Does viewing television increase the likelihood of adolescent developing symptoms of mental illness? In this study, relevant research from the fields of education and communication will be reviewed. The use of an integrated literature review is critical to understanding the relationship between adolescent viewing and mental illness. As noted earlier there is a wealth of research on television viewing but it is segregated by topic area. Most adolescents watch adult programs which may include a potent mix of sexual activity, violence, statements about body image, gender roles and racial identity. In order to understand an adolescent's experience of such a program it is essential to integrate the research from all of these topics.

The findings indicate that viewing has a significant negative impact on adolescent's cognitive, affective, behavioral and physiological health. There is a cumulative effect with increasing number of hours viewed resulting in increased symptoms of disorders, including depression, anxiety, eating disorders, narcissistic personality disorder and other psychological and medical conditions.

Guidelines for an assessment of adolescent's viewing habits, based on research on the more harmful elements of viewing is presented along with a list of interventions whose efficacy is supported by research data. There are gender differences in the amount of television that is watched with boys watching more television than girls and boys preferring sports and action adventure programs while girls prefer sitcoms, love story and soap operas.

There is not a significant relationship between global self-esteem or physical self-image and the amount of television watched. There are no relationships between self-esteem and identification with television characters for girls and boys. Reasons for this and possible directions for future research are discussed. In addition we believe that successfully reducing the negative impact of viewing on adolescents requires that clinicians assist and empower caregivers to provide their adolescents with other activities.

Consequently they might need assistance from clinicians in providing activities for their adolescents which fill the void left by television. Clinicians can also refer families to helpful resources such as out-door activities and organizations in the voluntary simplicity movement.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РАССТРОЙСТВА У ПОДРОСТКОВ С КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

С. Б. Бабарахимова, Ж. М. Искандарова
Ташкентский педиатрический медицинский институт,
г. Ташкент, Узбекистан

Summary. The article examines anxiety disorders of teenagers with computer game addiction, their severity in accordance with stage of addiction and influence on social integration.

Keywords: ludomania; computer game addiction; anxiety; mental depression; teenager.

Лудомания, по определению МКБ-10, отнесена к психическим заболеваниям и представляет собой зависимость от азартных, в том числе и компьютерных игр. Всемирная информационная сеть создала «виртуальный мир», который овладевает умами многих молодых людей, формируя зависимость намного сильнее наркотической [3]. Уход в «виртуальный мир» сопровождается полной отрешенностью от реальной действительности и делинквентным поведением. Анализ научной литературы показывает, что наиболее уязвимой группой населения при формировании лудомании как одного из видов нехимической аддикции являются подростки [2]. В связи с ростом научного прогресса и более обширного влияния информационных технологий на современное общество возникает проблема предупреждения отрицательных воздействий на психику ребенка. У лиц, страдающих лудоманией, выявляются коморбидные психические и поведенческие расстройства. Эмоциональные расстройства являются составляющими в структуре адаптационных расстройств у патологических гемблеров. Тревога является типичным симптомом адаптационных расстройств, но также может служить пусковым механизмом расстройств эмоциональной сферы [1]. В связи с этим целью нашего исследования было изучение выраженности тревожных расстройств у подростков с зависимостью от компьютерных игр и их влияние на возникновение других эмоциональных нарушений.

В ходе работы было протестировано 68 посетителей интернет-клубов, интернет-кафе города Ташкента в возрасте от 12 до 19 лет; специально разработанная анкета содержала перечень вопросов для выявления характера компьютерной игры и стадии психологической зависимости от компьютерной игры, для выявления эмоциональных расстройств применялась «Госпитальная шкала тревоги и депрессии» (HADS).

Более половины опрошенных (72 %) увлеклись компьютерными играми в возрасте 12 лет, 15 % опрошенных – в 14–15 лет, и лишь 8 % подростков начали играть в компьютерные игры в возрасте 16 лет. 90 % гемблеров – мальчики, которые всё свободное время проводят за компьютерными играми. 40 % опрошенных играли в нероловые компьютерные игры, 60 % опрошенных играли в ролевые компьютерные игры. В 85 % случаев в нероловые компьютерные игры (аркадные и игры на быстроту реакции) играли девочки, эти игры вызвали меньшую психологическую зависимость и подростки могли легко отказать от участия в игре при предоставлении им других видов деятельности. Мальчики играют преимущественно в ролевые компьютерные игры, которые оказывали наибольшее влияние на психику подростков. Потребность в этой форме игры опрошенные объясняли желанием уйти от реальности и потребностью в принятии более значимой социальной роли.

Проведенное исследование эмоциональных расстройств показало, что выраженность тревожных и депрессивных расстройств связана со стадией зависимости от компьютерных игр.

Так, у лиц с первой стадией зависимости (10 подростков) эмоциональных расстройств при первом и втором тестировании выявлено не было. По шкале HADS определялась «норма» – отсутствие достоверно выраженных симптомов тревоги и депрессии. Игра в компьютерные игры носила ситуационный характер, подростки легко соглашались с прерыванием игры и переключались на другие виды деятельности.

У 15 подростков была выявлена стадия увлеченности компьютерными играми, в 47 % случаев по шкале HADS в первом тестировании определялась субклинически выраженная тревога, в 33 % случаев выявлена субклинически выраженная депрессия. Эти подростки испытывали чувство тревоги из-за отсутствия возможности проводить время за компьютерными играми, при появлении такой возможности уровень тревоги значительно снижался. Повторное тестирование после прекращения игры в 73 % случаев показало наличие субклинически выраженной тревоги. Подростки на протяжении длительного времени после прекращения игры постоянно возвращались в беседе к игровой ситуации, переживали из-за того, что не смогли закончить игру так, как хотели, что им не хватило времени для выполнения всех заданий игры. Для подростков из этой группы характерны были уходы из дома, конфликты с родителями, снижение уровня учебной мотивации, падение успеваемости, повышенный эмоциональный

тонус во время игры, негативное реагирование на любые препятствия, мешающие игре. В общении любимой темой становится обсуждение компьютерной игры, происходит сужение круга общения. Повторное тестирование изменения уровня депрессивных расстройств не выявило, эти подростки связывали свое состояние с постоянными конфликтами с родителями, с их непониманием и завышенными требованиями к учебе.

У 35 подростков была выявлена 3 стадия зависимости от компьютерных игр. 15 подростков играли в сетевые игры, при этом игровая мотивация носила соревновательный характер, 20 подростков имели индивидуализированную форму зависимости, они подолгу играли в одиночку, потребность в игре находится у них на одном уровне с базовыми физиологическими потребностями, у них угасает интерес к общению. В этой группе при первом тестировании в 78 % случаев (27 подростков) по шкале HADS выявлена клинически выраженная тревога и депрессия, в остальных случаях определялась субклинически выраженная тревога и депрессия. Эти подростки плохо контролируют себя, становятся эмоционально неустойчивыми, в случае необходимости прервать игру начинают сильно нервничать, эмоционально реагируют при вмешательстве в процесс игры. Повторное тестирование после прекращения игры выявило клинически выраженную тревогу у 86 % подростков и депрессию у 80 %. Подростки с индивидуализированной формой зависимости негативно реагировали на повторное тестирование, отказывались от общения. Подростки, играющие в сетевые игры, отказывались от тестирования в случае поражения в командной игре. Для обследуемых лиц из группы с третьей стадией зависимости характерными были частые уходы из дома, подростки агрессивно реагировали на насильственное прекращение игры. После окончания игры усиливалась возбудимость, рассеянность, отмечалось наличие импульсивности в поведении, истеричность, резкая смена эмоций в их крайнем проявлении. У этих подростков отсутствовал эмоциональный и поведенческий самоконтроль, выявлялось нарушение сна, подростки отмечали наличие сновидений со сценами из компьютерных игр. В ряде случаев у подростков с индивидуализированной формой зависимости отмечалась неряшливость в одежде, безразличие ко всему, что не касается его увлечения, пропуски уроков, снижение успеваемости. У 10 подростков со стадией привязанности к компьютерным играм (четвертая стадия) отмечается снижение игровой активности, исследование эмоционального состояния

по шкале HADS показало в 100 % случаев наличие клинически выраженной депрессии и отсутствие тревожных расстройств.

Тревога, являясь преддиктом зависимого поведения, усиливается на фоне компьютерной зависимости, формируя порочный круг, приводя к уязвимости в развитии эмоциональной саморегуляции, низкой способности к быстрому восстановлению сил, неспособности контролировать свои чувства, социальной дезадаптации, формированию депрессивных расстройств. Исследование выраженности эмоциональных расстройств у лиц с зависимостью от компьютерных игр приобретает важное диагностическое значение для дальнейшей психокоррекционной работы и формирования педагогических и профилактических программ.

Библиографический список

1. Бердихина М. В. К вопросу о гемблинговой аддикции у подростков: психолог. пед. аспекты // Сб. тр. молодых ученых / Владимирск. гос. пед. ун-т. – Владимир, 2007. – № 7.
2. Красило А. И. Психологическое консультирование: проблемы, технологии. – М. : МОДЕК, 2007.
3. Осуховская Е. С. Исследование патологической склонности к азартным играм у школьников Украины // Таврический журн. психиатрии. – 2012. – № 1.

МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

**Е. И. Фуртаева, кандидат педагогических наук, доцент;
Т. В. Фуртаева, кандидат педагогических наук, доцент
Тульский институт управления и бизнеса
им. Н. Д. Демидова, г. Тула, Россия**

Summary. The article analyzes the essence and content of humanitarian competence of students as the most important component of professional self-discloses the unity of its of structural elements, studied sources its emergence and filling. A model for of development humanitarian competence in system of higher education, which provides, becoming a professional self-student.

Keywords: humanitarian competence; modeling pedagogical activity; the development model of humanitarian competence; college and university education system; the conditions of formation of humanitarian competence.

Основываясь на анализе современной научной литературы, индивидуальность человека можно рассматривать, как способность учитывать психические и личностные особенности людей

на различных возрастных этапах, владеть опытом оснащения деятельности, осуществлять психологически обоснованное, конструктивное взаимодействие с людьми и социальным окружением, быть субъектом реализации и восполнения собственных психических ресурсов, гуманистически направленным в окружающий мир.

Всё это обуславливает необходимость создания в вузе условий для развития гуманитарной компетентности студента, поскольку согласно взгляду Л. С. Выготского гуманитарная наука предстаёт как «явление жизни человеческого духа в единстве с природой», как «способ раскрытия духовной жизни человека», как возможность и метод формирования гуманистического мировоззрения.

Понятие «компетентность» – это готовность и возможность осуществлять деятельность, выстраивать общение и отношения [1].

Под **гуманитарной компетентностью** понимается профессионально-личностное образование, которое возникает и развивается в процессе освоения гуманитарных дисциплин. В свою очередь гуманитарная компетентность студента рассматривается как компонент его профессионального самоопределения. Модель структуры развития гуманитарной компетентности представляет собой единую систему взаимосвязанных элементов (принципы, средства, методы, формы и педагогические условия).

Процесс развития гуманитарной компетентности студентов в системе высшего образования основывается на социальном заказе общества и становлении профессионального самоопределения.

Основываясь на анализе современной научной литературы, мы выделили основные аспекты гуманитарной подготовки студента вуза: мотивационный, когнитивный, поведенческий, социально-психологический [2].

Сформированность гуманитарной компетентности позволяет студенту бережно обращаться с профессионально значимым потенциалом и развиваемым потенциалом; обеспечивает взаимопонимание и сотрудничество в микро- и макросистемах.

Можно выделить следующие критерии гуманитарной компетентности: мотивационная готовность, социально-психологическая готовность, гуманитарное развитие [2].

Для эффективности процесса развития гуманитарной компетентности студентов нами разработана следующая модель процесса формирования гуманитарной компетентности студентов в процессе изучения дисциплин гуманитарного цикла, которая включает в себя: целевой, содержательный и оценочно-результативный компоненты.

Библиографический список

1. Варданян Ю. В. Становление и развитие профессиональной компетентности педагога и психолога / под науч. ред. В. А. Сластенина. – 2-е изд. – М. : МПГУ, 2002.
2. Фуртаева Е. И. Развитие гуманитарных способностей в процессе изучения дисциплин художественно-эстетического цикла. – Калуга : Эйдос, 2008. – 160 с. – ISBN 978-5-902948-37-7.

ВНЕДРЕНИЕ МЕТОДА ОКУЛОГРАФИИ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ВОСТОЧНЫМ ЯЗЫКАМ

А. В. Немтинова

**Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки,
г. Москва, Россия**

Summary. The paper is dedicated to the research of the psychophysiological indicators of the students' oral translation skill development. The research subject were the oriental languages students' skills. The result of the scientific experiment illustrates the fact that the peculiarities of the oral translation activities, find appropriate reflections in the complex of the eye movements activity indicators. The major discovery establishes the possibility to control the grammar material mastering level by means of the objective psychophysiological criteria.

Keywords: eye movements activity; oriental languages; translation skill.

Одной из главных целей обучения специалистов-востоковедов является подготовка профессиональных переводчиков. Основная часть работ ориентирована на изучение языковых закономерностей, но в этих исследованиях недостаточно уделено внимания содержанию самой переводческой деятельности. Переводчик должен иметь навыки быстрого кодирования и перекодирования языковых форм. Содержание деятельности переводчика зависит от формы презентации переводимого текста. Выделяют письменную и устную формы перевода. Устный перевод письменного текста является разновидностью перевода. Традиционно проблемы перевода изучаются в работах филологов [2].

Значительная часть работ, отечественных и зарубежных, посвящённых изучению параметров движения глаз при восприятии/чтении текстов, выполнена на материале европейских языков, использующих алфавитную письменность [1; 3].

Исследований, направленных на изучение психофизиологических характеристик деятельности переводчика с китайского языка, крайне мало. Актуальность, практическая значимость проблемы определили выбор темы данного исследования, целью которого является исследование движений глаз при устном переводе письменного текста с китайского языка на русский.

В эксперименте приняли участие 20 студентов старших курсов, изучающих китайский язык. Во время эксперимента испытуемым предъявлялись сложноподчинённые предложения на китайском языке, одновременно велась запись движения глаз с использованием прибора SMI – Senso Motoric Instruments View

X™ RED Remote, бесконтактной дистанционно-управляемой инфракрасной камеры с автоматическим отслеживанием перемещения глаз и головы.

Изучались и сравнивались данные по показателям глазодвигательной активности (количество фиксации на отдельных знаках (иероглифах), количество возвратов к отдельным знакам (иероглифам), суммарное время фиксации на отдельных знаках (иероглифах) в процентах от общего времени чтения) у успевающих и не успевающих студентов.

Обнаружено, что успевающие студенты при переводе достоверно чаще фиксируются на главных членах предложения, служебных словах и возвращаются к ним, а наличие незнакомых слов в предложениях не влияет на выделение грамматической структуры. Показатели глазодвигательной активности в группе неуспевающих студентов свидетельствуют о том, что они при чтении предложений чаще фиксируются только на знакомых словах или неизвестных словах, игнорируя главные члены предложения.

Результаты, полученные в эксперименте, позволили предположить, что окулография может быть использована как дополнительный метод контроля успеваемости студентов, изучающих китайский язык.

Библиографический список

1. Анисимов В. Н. Движения глаз при чтении предложений с синтаксической неоднозначностью : автореф. дис. ... канд. биолог. наук. – М., 2013.
2. Щичко В. Ф. Учебник общего перевода китайского языка. – М., 1993.
3. Ярбус А. Л. Роль движений глаз в процессе зрения. – М., 2012.

III. PSYCHOLOGY AND MEDICINE

РЕАКЦИЯ НА БОЛЕЗНЬ У ДЕТЕЙ С ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ НА ЭТАПЕ СТАЦИОНАРНОГО ЛЕЧЕНИЯ

З. В. Бочкарёва, соискатель
Томская областная клиническая больница,
г. Томск, Россия

Summary. In article reaction to an illness of the child with an oncological disease is considered. These self-assessments, supervision of parents and experts are given.

Keywords: child with an oncological disease; reaction to an illness; experimental and psychological research.

Заболевший ребёнок отличается от здорового, так как любая болезнь создает особую ситуацию развития ребёнка, которая меняет стиль и смысл жизни, как самих детей, так и семьи в целом. У него меняется настроение (может быть подавленным, раздражительным, плаксивым), нарушается поведение (перестаёт играть, утрачивает непосредственность общения), отказывается от выполнения режима. При различных заболеваниях у детей констатируется повышенная тревожность, страх, чувство вины, отгороженность, низкая самооценка [1, с. 280; 3, с. 84].

На отношение детей к болезни значительно влияет госпитализация, ограничение активности, отрыв от семьи и коллектива сверстников, а также «соседство с больными», изменение режима дня и питания. Кроме того, реакция на болезнь определяется степенью осознания дефекта, психологической защитой и представлениями о болезни, тяжестью болезни, болевыми ощущениями, успехами лечения [1, с. 284; 2, с. 39; 4, с. 6].

Мы провели экспериментально-психологическое исследование, которое посвящено изучению отношения к своей болезни и лечению онкобольных детей в период активного специального лечения в стационаре. В исследовании приняли участие 22 ребёнка в возрасте 4–9 лет с различными онкологическими диагнозами (острый лимфобластный и миелобластный лейкоз, нефробластома, лимфома Бёркитта, остеогенная саркома, опухоли

ЦНС). Все больные дети проходили специальную противоопухолевую химиотерапию в детском блоке гематологического отделения Томской областной клинической больницы.

В качестве методов исследования нами были использованы: детский вариант методики изучения самооценки «Лесенка» (шкалы «Здоровье», «Настроение», «Ум», «Смелость», «Хороший-плохой»); специальная анкета для родителей, направленная на изучение проявлений отношения к болезни в поведении ребёнка (пункты «Интерес ребёнка к болезни», «Поведение и настроение в больнице», «Реакция на лечение»). Использовалась также методика «Шкала эмоционального состояния» в модификации И. К. Шаца. Для диагностики изменений психической активности, особенностей поведения и настроения, тревожно-страховой симптоматики использовали шкалы «Настроение», «Тревога, страх», «Общительность», «Интересы, игры», «Двигательная активность» [4, с. 51–52].

В ходе исследования были получены следующие данные: по результатам изучения самооценки здоровья детьми данной категории, можно говорить, что в большинстве случаев (75%) дети этого возраста не считают себя больными, несмотря на факт госпитализации. Так, 42% из них считают себя здоровыми, но признают, что иногда болеют, называя конкретные симптомы, не связанные с основным заболеванием (различные травмы, простуды, «кашель», «боль в животе», «иногда маленько болею»). Кроме того, 33% детей считают себя самыми здоровыми, отрицая актуальную болезнь, не знают, почему нужно лечиться. И только 25% пациентов признают себя больными в настоящее время, однако не все могут сказать, чем именно больны. Стоит добавить, что, по словам родителей, большинство из них (70%) доступными для детей словами рассказали о диагнозе и предстоящем лечении. О самооценке настроения во время лечения говорит то, что лишь у 17% детей наблюдается снижение эмоционального фона достаточно часто (грусть, тоска по дому, скука); в 33% случаев изменение настроения зависит от ситуации и соматических ощущений (грусть, когда что-то болит). Однако половина детей во время госпитализации считают себя самыми весёлыми и счастливыми. Вероятно, завышенные показатели по многим параметрам самооценки у данной группы детей обусловлены возрастом (начало формирования критического отношения к себе, слабая дифференцированность своих ощущений, чувств и отношений), а также тем благоприятным, позитивным окружением, которое создаёт родитель, ухаживающий за больным ребёнком.

По наблюдению родителей, почти все дети (90 %) проявляют интерес к своей болезни: подслушивают разговоры медперсонала и родителей, интересуются причинами болезни, спецификой лечения (его длительность, болезненность и необходимость процедур). Также в 80 % случаев родители отмечают перемены в поведении и настроении у своих детей во время госпитализации. В большинстве случаев (70 %) это повышение эмоциональной лабильности – дети становятся более чувствительными к внешним воздействиям, требуют большего внимания и заботы, появляется стремление к баловству, в других случаях наблюдается снижение настроения, тоска, отказ от общения. У 35 % детей проявляется раздражительность, непослушание, иногда агрессия. А также, по мнению родителей, у половины детей во время лечения сформировались «медицинские страхи» – боязнь определенных процедур, таких как уколы, пункции, перевязки. По мнению специалистов, этот показатель достигает 70 %. По мере увеличения «стажа болезни» и госпитализации большинство детей научается стойко переносить процедуры (67%) и даже проявляют активное отношение к лечению (интересуются результатами анализов, периодичностью медицинских манипуляций, без тревоги идут на процедуры – 33 % случаев).

По результатам изучения изменений психической активности во время лечения у онкобольных детей (методика «Шкала эмоционального состояния», которая заполняется на основании наблюдения за ребёнком клинического психолога и лечащего врача) можно говорить, что эмоциональный фон адекватен самочувствию ребёнка. Снижение настроения происходит периодически, как реакция на процедуры, неприятные новости, фрустрацию (50 % случаев). Однако у некоторых детей (17%) наблюдалось повышенное настроение (гиперактивность, легкая эйфория, дурашливость). Можно отметить, что в 60 % случаев у детей сохранялась адекватная возрасту и ситуации лечения общительность с другими детьми в отделении, игровая деятельность, а также учебно-познавательная. Однако у 40 % детей наблюдается сужение круга интересов и общения, иногда они приобретают формальный характер, появляются стереотипии (играть в компьютерные игры, смотреть телевизор). Двигательная активность, эмоциональность у большинства детей (75 %) сохраняется и носит адекватный самочувствию характер, лишь в 17 % случаев дети становятся менее активными и экспрессивными.

Таким образом, по результатам нашего исследования можно сделать вывод, что, проходя специальное противоопухолевое лечение в стационаре, лишь малая часть детей 4–9 лет считают себя больными и «несчастливыми» в связи с лечением. Треть детей замечают, что их эмоциональный фон зависит от актуального соматического состояния (даже если объективно соматическое состояние ребёнка тяжёлое – есть интоксикация, повышение температуры, но, например, нет боли, тошноты, то ребёнок может быть активным и позитивным), это подтверждается данными специалистов. По наблюдению родителей, большинство детей интересуется своей болезнью и особенностями лечебных мероприятий, во время лечения дети проявляют эмоциональную неустойчивость, сензитивность, происходит некоторый «эмоциональный регресс» в поведении ребёнка. Кроме того, родители и специалисты наблюдают у большинства онкобольных детей формирование устойчивых «медицинских» страхов, что свидетельствует о значительной психотравматизации болеющего ребёнка во время лечения. Кроме тревожно-страховой симптоматики у данной группы детей отмечается, зависимость эмоционального фона от ситуативных факторов, частое снижение потребности к общению, сужение круга интересов, появление стереотипных увлечений (компьютерные игры), изменения мотивационной сферы в целом (снижение побуждений).

Такие переживания и нарушения поведения у больных детей – это своеобразное проявление реакции детской личности на болезнь [1, с. 280]. Знание психологии больного ребёнка, особенностей его отношения к заболеванию может позволить реализовать более эффективную систему психологической помощи онкологически больным детям и их семье, на стационарном этапе специального лечения.

Библиографический список

1. Исаев Д. Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. – СПб. : Речь, 2005. – 400 с.
2. Курганова Ю. Е. Исследование осознания болезни у детей с хроническими соматическими заболеваниями // Детская и подростковая реабилитация. – 2009. – № 1 (12).
3. Равич-Щербо И. В., Румянцев А. Г., Киян И. Г. и др. Психологические особенности детей, страдающих острым лимфобластным лейкозом // Вопросы психологии. – 2006. – № 6.
4. Шац И. К. Психологическая поддержка тяжелобольного ребёнка : моногр. – СПб. : Речь, 2010. – 192 с.

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТЕЛЕСНОГО ОПЫТА БОЛЬНЫМИ ДЕПРЕССИВНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ

**В. А. Соболев, кандидат медицинских наук;
Д. В. Чумаков, кандидат медицинских наук;
И. А. Давыдова, кандидат медицинских наук;
М. А. Ярославская, кандидат психологических наук
Психиатрическая клиническая больница № 12
Департамента здравоохранения Москвы,
г. Москва, Россия**

Summary. Purpose-studying features experiences of bodily experience in patients with depressive disorders. The study had found that the assessment of patients with internal bodily experience depressive disorders is predominantly «negative» character.

Keywords: bodily experience; depressive disorders; gender-specific.

Цель настоящего исследования – изучение особенностей переживания телесного опыта у больных депрессивными расстройствами. В исследовании приняли участие 30 женщин в возрасте от 34 до 55 лет, находящихся на лечении в ГБУЗ ПКБ № 12 ДЗМ. Выборка из 30 пациентов была разбита на 2 группы, являющиеся сопоставимыми по основным социально-демографическим характеристикам. В первую группу вошли 15 больных, имеющих диагноз F41.2 «смешанное тревожное и депрессивное расстройство», средний возраст – $49,8 \pm 5,2$. Вторую группу составили 15 пациентов, имеющих диагноз F43.22 «смешанная тревожная и депрессивная реакция, обусловленная расстройством адаптации», средний возраст – $49,7 \pm 5,1$. Было проведено экспериментально-психологическое исследование при помощи клинической беседы, методов наблюдения и методик: «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений» А. Ш. Тхостова, «Рисунок человека», характерологический опросник К. Леонгарда, цветовой тест М. Люшера. Достоверность и надёжность результатов исследования обеспечены применением научно обоснованных методов исследования, достаточным объёмом выборки, сочетанием количественного и качественного анализа полученных данных, корректной статистической обработкой данных. При статистической обработке результатов рассчитывались среднеарифметические значения, стандартные отклонения, достоверность различий между группами. Последний показатель рассчитывался по U-критерию Манна – Уитни.

По итогам исследования были установлено, что оценка внутреннего телесного опыта больных депрессивными расстройствами носит преимущественно «негативный» характер. Наиболее показательным критерием при депрессивных расстройствах является низкая способность к пониманию и дифференцированию своего телесного опыта. Данные, полученные с помощью методики «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений», показали, что больные смешанной тревожной и депрессивной реакцией, обусловленной расстройством адаптации обладают большей способностью в дифференциации своих телесных переживаний в сравнении с пациентами, страдающими смешанным тревожным и депрессивным расстройством. Эти данные согласуются с результатами методики «Рисунок человека». Полученные результаты позволяют выделить наиболее характерный для группы депрессивных больных тип рисунков – физически слабое, прозрачное, бесполое очертание человека, с искажёнными частями тела или вообще с отсутствием некоторых частей.

Главные источники – органы получения информации, части коммуникационного процесса:

- глаза – зрение (основной орган контакта с внешним миром);
- уши – слух;
- рот – вербальное общение;
- руки, кисти, пальцы – тактильное общение – блокируются и искажаются.

Более выражены данные особенности у пациентов со смешанным тревожным и депрессивным расстройством. По результатам, полученным при использовании «Характерологического опросника» К. Леонгарда, установлено, что одним из предикторов заболевания может явиться заострение личностных черт, таких как эмотивность и циклотимность. Данные теста М. Люшера согласуются с полученными результатами предыдущих методик: депрессивным личностям свойственны: отсутствие дифференцированности и непринятие своего телесного опыта, уход от окружающего мира, чувствительность, ранимость.

Полученные результаты могут послужить дополнительным материалом в исследовании проблемы особенностей переживания телесного опыта у больных депрессией.

PARAMETERS OF THE GENERAL FIBER AND MICROCELLS AT PATIENTS WITH COMBINED MAXILLA-FACIAL FRACTURES

**Sh. A. Boymuradov, candidate of medical sciences
Tashkent Medical Academy, Tashkent, Uzbekistan**

Summary. Combined maxilla-facial injuries is one of heavy types of traumas. In the posttraumatic period at patients with combined maxilla-facial injure develops traumatic illness. One of criteria of progress of traumatic illness is decrease in a content of the general fiber and microcells in blood. Objective of the given research was studying a content of the general fiber and microcells in blood at patients with combined maxillao-facial traumas.

Keywords: trauma; jaw; coinfection; skull; brain.

Materials and methods. We had examined and surveyed 31 patients with combined maxilla-facial injuries. Their age changed from 19 up to 36, from them men – 19, women – 12. All patients with maxilla-facial injuries has accompanied brain injuries. We studied contents of the general fiber and microcells at these patients.

Dynamics parameters of some microcells, alkaline phosphates, and the general fiber at patients with combined maxilla-facial injuries

Parameters	Quantity of patients, $n = 31$		Normal
	1–3 day	9–10 day	
Magnesium, mmol/L	$0,66 \pm 0,01$	$0,62 \pm 0,01$	0,7–1,2
Calcium, mmol/L	$2,07 \pm 0,07$	$1,88 \pm 0,08$	2,3–2,75
Calium, mmol/L	$4,34 \pm 0,08$	$3,99 \pm 0,08$	3,4–5,3
Phosphorus, mmol/L	$0,91 \pm 0,01$	$0,88 \pm 0,01$	1–2
Alkaline phosphates, u/l	$212,7 \pm 9,08$	$185,8 \pm 8,15$	50–250
General fiber, g/l	$63,0 \pm 0,82$	$57,5 \pm 0,41$	65–85

From the table it is visible, that the first day after delivery of patients in a hospital a level of microcells are within the limits of normal parameters. The level of magnesium in the first day was closer to the bottom border of norm (in the first 1–3 day $0,66 \pm 0,01$ mmol/l, at norm 0,7–1,2 mmol/l), and for 9–10 day research have shown, that the level of magnesium practically was at the same level, but had tendencies to decrease (in the first 1–3 day $0,66 \pm 0,01$ mmol/l, and for 9–10 day $0,62 \pm 0,01$).

In dynamics of treatment at patients with combined maxilla-facial injuries we observed decrease a content of the general fiber in blood

(at delivery $63,0 \pm 0,82$ mmol/l, in dynamics has decreased up to $57,5 \pm 0,41$ mmol/l, and at norm 65–85 mmol/l). In dynamics by us it is noted decrease in a level in alkaline phosphatase (in the first day $212,7 \pm 9,8$ mmol/l, in 9–10 day $185,8 \pm 8,15$ mmol/l). The level of calcium in the first day has decreased in comparison with norm (at delivery $2,07 \pm 0,07$ mmol/l and at norm 2,3–2,75 mmol/l) in dynamics we observed decrease in its level (for 9–10 day $1,88 \pm 0,08$).

As phosphorus and calcium occurs in a bone fabric, variations their levels has a greater role in healing a bone fabric. At patients with combined maxilla-facial injuries as the brain is damaged, broken the central mechanisms of process of regulation of an organism. The trauma is stress which is reflected in the given specified parameters. These data confirms about progress of traumatic illness when there is an intoxication and disintegration of fibers in blood. In the posttraumatic period at the given category of patients process natural the feed is broken, necessary the quantity of fibers and microcells do not act a natural course that leads disbalance contents of the general fiber and microcells (calcium, calcium, and phosphorus).

On decrease in a level alkaline phosphatase it is possible to judge about progress of inflammatory processes. Disintegration of fibers in is accompanied with decrease immune parameters of blood. All this in a complex serves progress posttraumatic inflammatory processes. A complex of treatment of patients with combined maxilla-facial injuries in the posttraumatic period should include preparations of fiber and microcells. Correction of a content of the general fiber and microcells in the posttraumatic period to serve to preventive maintenance of posttraumatic complications.

EFFECTIVE TREATMENT OF ACETABULAR INJURIES

**M. T. Shorustamov, candidate of medical sciences
Tashkent Medical Academy, Tashkent, Uzbekistan**

Summary. Article is devoted to solve actual problems of surgical treatment of acetabular fractures using an innovative method of treatment. Offered unloading device allows early weight bearing of the operated limb that makes us to activate patients on the second day after surgical operation and increases life quality level of the patient.

Keywords: fracture; trauma; acetabulum.

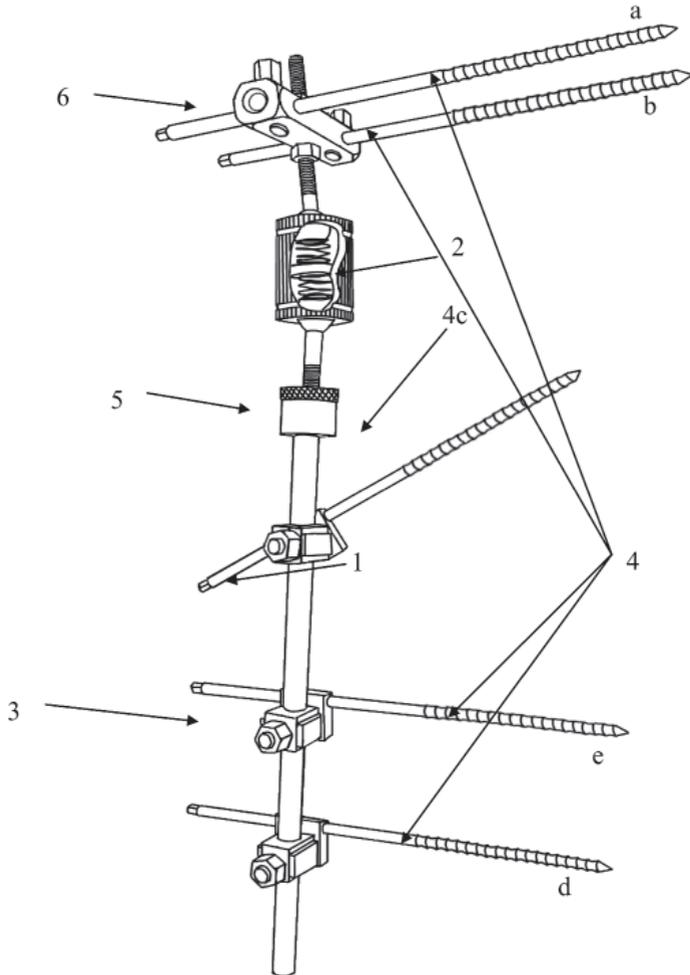
Materials and methods. Since 1997 surgical treatment of acetabular injuries is preferred in the Republican specialized center of joints and hand surgery and in the 2nd clinic of Tashkent Medical Academy. During this period clinical and radiological data

of 180 patients' medical histories with acetabular fractures have been analyzed, among them 147 were men and 33 women aged from 16 to 78 years old. Most common mechanisms of acetabular injury are: direction of impact to the greater trochanter – at 87, to the knee joint – at 77, to foot – 11 patients and at 6 patients fractures occurred for unknown reasons. Objective diagnosis is usually difficult in optimizing the treatment of acetabular injuries, because acetabulum is located in an inaccessible area for examination and clinical symptoms of this area (pain, difficulty of hip movement, shortening and forced position of extremities) are not pathognomonic, these symptoms can also be found in other fractures of pelvis. In addition, due to severity of patient's status such as impairment of consciousness and shock meticulous clinical examination is not always possible. Final concluding diagnosis can be formed by multiplanar radiography and multislice imaging.

Results and discussion. Optimized surgical treatment of acetabular edge and roof injuries in 46 cases was fixing the bone fragments with screws and in 22 cases was imposition of additional dynamic joint unloading device. All this allowed loading the extremity on the second day after surgery with preservation of joint motions in three planes: flexion – extension, adduction – abduction and rotational movement.

Dynamic unloading device (Figure) applying consists in the following: two rods – 4a, 4b – was inserted into the epiacetabular area parallel to each other, then 4c rod was inserted to greater trochanter area towards femoral head and two rods (4d, 4e) into the femur. 4c rod that was inserted into greater trochanter had sharpening in the middle part, which prevented the reverse migration of the rod and made possible dosing the joint dynamic unloading (for this invention received a positive solution of the Agency for Intellectual Property of the Republic of Uzbekistan). The rods that were inserted into the femoral bone fixed with clamps on the bar with a swiveling device that enables biplanar movement and rods that was inserted into epiacetabular area fixed to the acetabular rod fixator, which is connected to the femoral component. Rotational motion is generated within the bar. Our dynamic unloading device allowed reducing length of stay in hospital significantly. If skeletal traction was applied through femoral epicondyles for 4–6 weeks after osteosynthesis operation to patients with acetabular injuries, then we activated patients by using our dynamic unloading device on the second day after surgery, which allowed them to load injured extremity and make functional movements

of the joint. As a result 22 patients whom had been imposed dynamic unloading device activated early, and their length of stay in hospital shortened. As a consequence, early static load on an injured extremity have prevented osteoporosis and increased life quality level.

*Scheme of hip joint dynamic unloading device:
 1 – bar; 2 – ball mechanism with two internal springs; 3 – fixators; 4 – rod;
 4c – rod with sharpening; 5 – clutch; 6 – acetabular rod fixator*

Bibliography

1. Kutepov S. S., Runkov A. V. Treatment of pelvic fractures with acetabular injuries // *Russian Traumatology and Orthopedics*. – 1995. – № 3. – P. 13–17.
2. Milyukov A. Y., Pronskikh A. A. Modern approaches to the treatment of acetabular injuries // *Polytrauma*. – 2006. – № 1. – P. 38–42.
3. Tikhilov R. M., Shubnyakov I. I. Selecting implantation method of acetabular component on the basis of acetabular fractures working classification / R. M. Tikhilov, I. I. Shubnyakov, I. T. Chiladze, D. G. Pliev, M. T. Shorustamov, V. A. Artyukh, A. V. Ambrosenkov, V. V. Bliznyukov, A. A. Myasoedov // *Russian Traumatology and Orthopedics*. – 2011. – № 2. – P. 37–43.
4. Ginnoudis P. V., Grotz M. R., Papakostidis C., Dinopoulos H. Operative treatment of displaced fractures of the acetabulum // *J. Bone Joint Surg.* – 2005. – Vol. 77. – № 1–B. – P. 3–10.
5. Kumar A., Shah N. A., Kershaw S. A., Clayson A. D. Operative management of acetabular fractures. A review of 73 fractures // *Injury*. – 2005. – № 36. – P. 605–612.

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши, Узбекистана, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2014 году

Все сборники будут изданы в чешском издательстве
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага)

20–21 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Текст. Производство. Читатель»** (К-05.20.14)

22–23 мая 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Реклама в современном мире: история, теория и практика»** (К-05.22.14)

25–26 мая 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-05.25.14)

1–2 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-06.01.14)

3–4 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Теоретические и прикладные вопросы специальной педагогики и психологии»** (К-06.03.14)

5–6 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-06.05.14)

7–8 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи»** (К-06.07.14)

11–12 июня 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «Социально-политические взгляды прошлого и настоящего» (К-06.11.14)

13–14 июня 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «Труд и человеческий капитал в современной экономике: теория и практика» (К-06.13.14)

10–11 сентября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция «Проблемы современного образования» (К-09.10.14)

15–16 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «Новые подходы в экономике и управлении» (К-09.15.14)

17–18 сентября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы» (К-09.17.14)

20–21 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы» (К-09.20.14)

25–26 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «Проблемы становления профессионала» (К-09. 25.14)

28–29 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации» (К-09.28.14)

1–2 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «Иностранный язык в системе среднего и высшего образования» (К-10.01.14)

5–6 октября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-10.05.14)

10–11 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы связей с общественностью»** (К-10.10.14)

12–13 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития»** (К-10.12.14)

13–14 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях»** (К-10.13.14)

15–16 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-10.15.14)

20–21 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе»** (К-10.20.14)

25–26 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-10.25.14)

28–29 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии»** (К-10.28.14)

1–2 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия» (К-11.01.14)

3–4 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования» (К-11.03.14)

5–6 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы» (К-11.05.14)

10–11 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы» (К-11.10.14)

15–16 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «Проблемы развития личности» (К-11.15.14)

20–21 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования» (К-11.20.14)

25–26 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему» (К-11.25.14)

1–2 декабря 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях» (К-12.01.14)

3–4 декабря 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы развития экономики и управления» (К-12.03.14)

5–6 декабря 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии» (К-12.05.14)

7–8 декабря 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «Безопасность человека и общества» (К-12.07.14)

**Plan of the international conferences organized by
Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus,
Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Poland, Uzbekistan,
Ukraine and the Czech Republic on the basis of the SPC
«Sociosphere» in 2014**

All Conference Proceedings will be published in the Czech publishing house
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Prague)

May 20–21, 2014.

II international scientific conference «**Text. Literary work. Reader**» (K-05.20.14)

May 22–23, 2014.

International scientific conference «**Advertizing in the modern world: history, theory and practice**» (K-05.22.14)

May 25–26, 2014.

IV international scientific conference «**Innovative processes in economic, social and spiritual spheres of life of society**» (K-05.25.14)

June 1–2, 2014.

III international scientific conference «**Social and economic problems of modern society**» (K-06.01.14)

June 3–4, 2014.

II international scientific conference «**Theoretical and practical questions of special pedagogics and psychology**» (K-06.03.14)

June 5–6, 2014.

IV international scientific conference «**Rights and freedoms of people: problems of realization, providing and protection**» (K-06.05.14)

June 7–8, 2014.

II international scientific conference «**Socio-humanitarian and medical aspects of development of a modern family**» (K-06.07.14)

June 11–12, 2014.

International scientific conference «**Socio-political views of the past and the present**» (K-06.11.14)

June 13–14, 2014

International scientific conference «**Labour and human capital in the modern economy: theory and practice**» (K-06.13.14)

September 10–11, 2014.

V international scientific conference «**Problems of modern education**» (K-09.10.14)

September 15–16, 2014.

IV international scientific conference «**New approaches in economy and management**» (K-09.15.14)

September 17–18, 2014

International scientific conference «**Modern philosophical paradigms: the interaction of traditions and innovative approaches**» (K-09.17.14)

September 20–21, 2014.

IV international scientific conference «**Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects**» (K-09.20.14)

September 25–26, 2014.

II international scientific conference «**Problems of formation of a professional**» (K-09. 25.14)

September 28–29, 2014.

II international scientific conference «**Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization**» (K-09.28.14)

October 1–2, 2014.

IV international scientific conference «**Foreign language in the system of secondary and higher education**» (K-10.01.14)

October 5–6, 2014

V international scientific conference «**Family in a context of pedagogical, psychological and sociological researches**» (K-10.05.14)

October 10-11, 2014.

International scientific conference «**Actual problems of Public Relations**» (K-10.10.14)

October 12–13, 2014.

International scientific conference «**Informatization of higher education: current situation and development prospects**» (K-10.12.14)

October 13–14, 2014.

International scientific conference «**Purposes, tasks and values of education in modern conditions**» (K-10.13.14)

October 15–16, 2014.

IV international scientific conference «**Personality, society, state, law. Problems of correlation and interaction**» (K-10.15.14)

October 20–21, 2014.

II international scientific conference «**Transformation of spiritual and moral processes in modern society**» (K-10.20.14)

October 25–26, 2014.

IV international scientific conference «**Socio-economic, sociopolitical and sociocultural development of regions**» (K-10.25.14)

October 28–29, 2014.

II international scientific conference «**Socialization and education of teenagers and youth in institutes of the general and professional education: theory and practice, contents and technologies**» (K-10.28.14)

November 1–2, 2014.

IV international scientific conference «**Religion – science – society: problems and prospects of interaction**» (K-11.01.14)

November 3–4, 2014.

II international scientific conference «**Professionalism of a teacher in the information society: formation and problems of improvement**» (K-11.03.14)

November 5–6, 2014.

II international scientific conference «**Current issues of social researches and social work**» (K-11.05.14)

November 10–11, 2014.

III international scientific conference «**Preschool education in a country and the world: historical experience, state and prospects**» (K-11.10.14)

November 15–16, 2014.
II international scientific conference «**Problems of development of a personality**» (K-11.15.14)

November 20–21, 2014.
IV international scientific conference «**Preparing a competitive specialist as a purpose of modern education**» (K-11.20.14)

November 25–26, 2014.
III international scientific conference «**History, languages and cultures of the Slavic peoples: from origins to the future**» (K-11.25.14)

December 1–2, 2014.
IV international scientific conference «**Practice of communicative behavior in social and humanitarian researches**» (K-12.01.14)

December 3–4, 2014.
II international scientific conference «**Problems and prospects of development of economy and management**» (K-12.03.14)

December 5–6, 2014.
III international scientific conference «**Current issues of the theory and practice of lingvo cross-cultural lexicography**» (K-12.05.14)

December 7–8, 2014.
International scientific conference «**Safety of a person and society**» (K-12.07.14)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА» И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» (ISSN 2078-7081) публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера», а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука.
- В помощь преподавателю.
- В помощь учителю.
- В помощь соискателю.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Статьи принимаются до 20 февраля, 20 мая, 20 августа и 20 декабря, соответственно. Оплата должна быть произведена только после принятия статьи к публикации до 1 марта, 1 июня, 1 сентября и 1 декабря, соответственно для каждого номера.

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Николай, PhD. (экономика), профессор (София, Болгария); Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения); Большакова Алла Юрьевна, доктор филологических наук (Москва, Россия); Волков Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия); Голандам Араш Карим, преподаватель (филология) (Решт, Иран); Исламов Захиджан

Махмудович, доктор филологических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан); Кашпарова Ева, PhD. (социология) (Прага, Чехия); Кушаев Умиджон Рахимович, PhD. (философия) (Ташкент, Узбекистан); Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (г. Кызылорда, Казахстан); Сапик Мирослав, PhD. (философия), доцент (Колин, Чехия); Танцошова Джудита, PhD. (экономика), профессор (Братислава, Словакия); Хрусталькова Наталья Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия); Цибак Любош, PhD. (экономика), MBA (Братислава, Словакия).

Чешский научный журнал **«Paradigmata poznání»** («Парадигмы познания») публикует научные статьи, теоретические обзоры и результаты эмпирических исследований, отзывы на книги, статьи, диссертации, рецензии, отчеты о научных мероприятиях по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на чешском, английском и русском языках. Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (региональное отделение в г. Прага), ему присвоен номер ISSN 2336-2642. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера» <http://sociosfera.com>, на сайте Электронной научной библиотеки по адресу <http://elibrary.ru>, а также на сайте Directory of open access journals по адресу <http://www.doaj.org>.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Теория и анализ.
- Эмпирические и прикладные исследования.
- Обзоры, рецензии и отзывы.
- Научная жизнь.

Периодичность выпуска – 4 номера в год (февраль, май, август, ноябрь).

Главный редактор – **Дорошина Илона Геннадьевна**, кандидат психологических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Абдуллаев Равшан Вахидович, доктор экономических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан); Бойцов Виктор, DrSc. (информационные системы), профессор (Рига, Латвия); Бушина Филип, PhD. (экономика), MBA (Колин, Чехия); Вернигора Александр Николаевич, кандидат биологических наук, доцент (Пенза, Россия); Девярых Сергей Юрьевич,

кандидат психологических наук, доцент (Витебск, Беларусь); Замаровский Петер, RNDr. (Nature Sciences) (Прага, Чехия); Ивановска Божена, Ph.D. (социология) (Варшава, Польша); Кашпарова Ева, Ph.D. (социология) (Прага, Чехия); Крейчова Ленка, Ph.D. (психология) (Прага, Чехия); Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия); Коротаяев Андрей Витальевич, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия); Кушаев Умиджон Рахимович, Ph.D. (филология) (Ташкент, Узбекистан); Лидяк Ян, Ph.D., (международные отношения), профессор (Колин, Чехия); Митюков Николай Витальевич, доктор технических наук, профессор (Ижевск, Россия); Сапик Мирослав, Ph.D. (философия), доцент (Колин, Чехия); Сигмунд Томаш, Ph.D. (философия) (Прага, Чехия); Сзуппе Мария, Ph.D. (история) (Иври-сюр-Сен, Франция); Сзуппе Мария, Ph.D. (история) (Иври-сюр-Сен, Франция); Танцошова Джудита, Ph.D. (экономика), профессор (Братислава, Словакия); Хаджкова Ванда, Dr. Paed. (педагогика), доцент (Прага, Чехия); Хайруллина Нурсафа Гафуровна, доктор социологических наук, профессор (Тюмень, Россия).

Требования к оформлению материалов, отправляемых в журналы «Социосфера» и «Paradigmata poznání»

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphere@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210×297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на

английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 4–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации.

Имя файла, отправляемого по e-mail,

для журнала «Социосфера»

соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

для журнала «Paradigmata poznání»

файл со статьей – **PP-Петров ИВ** или **PP-German P**, квитанция – **PP-Петров ИВ квитанция** или **PP-German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы.

Стоимость публикации в журналах составляет **200** рублей за 1 страницу («Социосфера») или **250** рублей за 1 страницу («Paradigmata poznání»). Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 200 руб. («Социосфера») или 250 рублей («Paradigmata poznání») за один экземпляр.

INFORMATION ABOUT THE JOURNALS «SOCIOSPHERE» AND «PARADIGMATATA POZNÁNÍ»

Methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes scientific articles and methodological books for lessons and complementary activities at social-humanitarian disciplines for professional and comprehensive schools. Themes of journal cover a wide range of problems. Materials about philosophy, sociology, history, culturology, study of art, philology, psychology, pedagogy, law, economics and other social-humanitarian areas are accepted.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphaera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

- Science.
- In help to professors.
- In help to teachers.
- In help to doctoral candidates.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (March, June, September, December).

The articles are accepted before the 20th February, 20th May, 20th August and 20th November, respectively. The payment is made only after receiving the notification about the acceptance of article for publishing before 1st March, 1st June, 1st September and 1st December, respectively for each issue.

The chief editor – **Boris Doroshin**, candidate of historical sciences, associate professor.

The editorial board: I. G. Doroshina, candidate of psychological sciences, associate professor (responsible for release), M. A. Antipov, candidate of philosophical sciences, V. V. Belolipeckiy, candidate of historical sciences, D. V. Efimova, candidate of psychological sciences, associate professor, N. V. Saratovceva, candidate of pedagogical sciences, associate professor.

The international editorial council: N. Arabadzhiski, PhD (Economics), professor (Sofia, Bulgaria); A. Yu. Bolshakova, doctor of philological sciences, professor (Moscow, Russia); A. S. Berberyan, doctor of psychological sciences, professor (Erevan, Armenia); S. N. Volkov, doctor of philosophical sciences, professor (Penza, Russia); A. K. Golandam, lecturer (Philology) (Rasht, Iran); Z. M. Islamov, doctor of philological sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan); E. Kashparova, Ph.D. (Sociology) (Prague, Czech Republic); U. R. Kushaev, Ph.D. (Philosophy) (Tashkent, Uzbekistan); M. O. Nasimov, candidate of political sciences (Kyzylorda, Kazakhstan); M. Sapik, Ph.D. (Philosophy), associate professor (Kolin, Czech Republic); Ju. Tancoshova, PhD. (Economics), professor (Bratislava, Slovakia); N. A. Hrustalkova, doctor of pedagogical sciences, professor (Penza, Russia); L. Cibak, PhD. (Economics), MBA (Bratislava, Slovakia).

Czech science journal «**Paradigmata poznání**» (ISSN 2336-2642) publishes research papers, theoretical surveys and results of empirical studies, reviews for books, articles, dissertations, reviews, reports about scientific events at social-humanitarian, technical and natural-scientific disciplines. Themes of journal cover a wide range of problems.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

1. Theory and analyses.
2. Empirical and applied studies.
3. Surveys, reviews and comments.
4. Science life.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (February, May, August, November).

The chief editor – **Iлона Doroshina**, candidate of psychological sciences, associate professor.

The editorial board: R. V. Abdullayev, Doctor of Economic Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan); V. Boicov, DrSc. (Information Systems), professor (Riga, Latvia); Ph. Bushina, Ph.D. (Economics), MBA (Colin, Czech Republic); A. N. Vernigora, Candidate of Biological Sciences, associate professor (Penza, Russia); S. Yu. Devyatych, Doctor of Psychological Sciences, associate professor (Vitebsk, Belarus); B. Ivanovska, Ph.D. (Sociology) (Warsaw, Poland); V. Hajkova, Dr. Paed. (Education), associate professor (Prague, Czech Republic); E. Kashparova, Ph.D. (Sociology) (Prague, Czech Republic); N. G. Khayrulina, Doctor of Sociological Sciences, professor (Tyumen, Russia); L. Krejcova, Ph.D. (Psychology) (Prague, Czech Republic); P. N. Kobets, Doctor of Law, professor (Moscow, Russia); A. V. Korotayev, Doctor of History, professor (Moscow, Russia); U. R. Kushaev, Ph.D. (Philosophy) (Tashkent, Uzbekistan); J. Lidyak, Ph.D. (Political science), professor (Colin, Czech Republic); N. V. Mityukov, Doctor of Technical Sciences, professor (Izhevsk, Russia); M. Sapik, Ph.D. (Philosophy), associate professor (Kolin, Czech Republic); T. Sigmund, Ph.D. (Philosophy) (Prague, Czech Republic); M. Szuppe, Ph.D. (History) (Ivry-sur-Seine, France); Ju. Tancoshova, Ph.D. (Economics), Professor (Bratislava, Slovakia); P. Zamarovsky, RNDr. (Nature Sciences) (Prague, Czech Republic).

Guidelines for publications sent to the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosphere@yandex.ru or sociosfera@seznam.cz. Each article should have a UDC. Page format: A4 (210×297 mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (3–4 sentences) and a list of keywords in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–25 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume.

The name of the file

for the journal «Sociosphere» – family name and initials of the first author, for example: **German P**. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example **German P receipt**.

for the journal «Paradigmata poznání» – *the file with an article* – **PP-German P**, the payment confirmation – **PP-German P receipt**.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

The publication fee is 4.5 € per page («Sociosphere») or 5.5 € per page («Paradigmata poznání»). Participants will receive one copy of the journal per article. In case of co-authorship, additional copies can be bought for 4.5 € per copy («Sociosphere») or 5.5 € per copy («Paradigmata poznání»).

**Образец оформления статьи для журналов
«Социосфера» и «Paradigmata poznání»**

**Sample of articles for journals «Sociosphere»
and «Paradigmata poznání»**

КУЛЬТУРА Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XIX ВЕКЕ

И. И. Иванов, кандидат исторических наук, доцент,

В. В. Петров, аспирант

Семиреченский институт экономики и права, г. Семиреченск,

Н-ский край, Россия

CULTURE IN SEMIRECHENSK IN THE XIX CENTURY

I. I. Ivanov, candidate of historical sciences, associate professor,

V. V. Petrov, graduate student

Semirechensk Institute of Economics and Law, Semirechensk,

N-sk region, Russia

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Keywords: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Неко-

торую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / гл. ред. Т. П. Петров – СПб. : Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York : H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» – VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFĚRA-CZ»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии.

(в выходных данных издания будет значиться –

Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

или в России

(в выходных данных издания будет значиться –

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *;
- изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу;
- дизайн обложки – 500 рублей;
- печать тиража в типографии – по договоренности;
- данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «Премиум» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* Формат страницы А4 (210×297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals,
- ✓ autoabstracts,
- ✓ dissertations,
- ✓ monographs,
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic.
 (in the output of the publication will be registered)

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

or in Russia

(in the output of the publication will be registered)

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»

We carry out the following activities.

- editing and proofreading of the Russian text (correct spelling, punctuation and stylistic errors) – 1,1 € per 1 page*;
- making an artwork – 0,7 € per 1 page;
- cover design – 11,1 €;
- print circulation in typography is by arrangement;
- these types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text,
- production of an artwork,
- cover design,
- printing coloured flexicover,
- printing copies in printing office,
- ISBN assignment,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of the Czech Republic,
- sending books to the author in Russia by the post.

Quantity	Price in € for the number of pages				
	50 pages	100 pages	150 pages	200 pages	250 pages
50 copies	176	267	351	440	533
100 copies	240	349	451	560	667
150 copies	311	451	573	718	849
200 copies	382	556	702	878	1031

* Page size A4 (210 x 297 mm). Margins: left-3 cm, the others – 2 cm; 1.5 spacing; indentation 1.25; size (font size)-14; type-Times New Roman.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis.

Science Publishing Center «Sociosphere-CZ»
Penza State University
Russian-Armenian (Slavic) State University
Vitebsk State Medical University of Order of Peoples' Friendship

**Socio-humanitarian and medical issues of modern psychology,
neurophysiology, neuromorphology and psycholinguistics**

Materials of the II international scientific conference
on April 7–8, 2014

Editor – V. A. Doroshina
Corrector – J. V. Kuznetsova
The original layout – G. A. Kulakova
Cover design – Yu. N. Bannikova

Signed in print 05.05.2014. 60×84/16 format.
Writing white paper. Publisher's sheets 4,13.
100 copies.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz